

The background of the entire image is a dramatic scene of two dragons facing each other. The dragon on the left is dark with a lighter underbelly, while the dragon on the right is primarily golden with darker scales. They are positioned as if about to breathe fire at each other, with a bright, glowing light emanating from the point where their heads meet. The sky is a warm, golden-orange color, suggesting a sunset or sunrise. The dragons' scales are highly detailed, showing various textures and patterns.

ЕЛЕНА ПАЛЕНОВА

ЛЕГЕНДА

О ЗОЛОТЫХ ДРАКОНАХ

Придуманные миры

Елена Паленова

**Легенда о золотых
драконах. Часть 1**

«Автор»

2022

Паленова Е.

Легенда о золотых драконах. Часть 1 / Е. Паленова — «Автор»,
2022 — (Придуманные миры)

Акильфадия - место, полное магии, тайн и легенд, одна из которых гласит, что только настоящая любовь и добровольная жертва влюблённых способны возродить золотых драконов и спасти клан акильфов от близкой и неминуемой гибели. Вея - целительница и единственная дочь тирана-вождя. Маркус - чужак, обманутый своим королём. Между ними нет ничего общего, кроме магической связи, не имеющей отношения к любви, но очень важной для тех, кому нужно, чтобы пророчество из легенды сбылось. Маркусу и Вее суждено встретиться, но суждено ли полюбить? И если да, то смогут ли они сохранить эту любовь, заведомо зная, что должны будут умереть, чтобы спасти других?

© Паленова Е., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Непокорная колдунья	7
Глава 2. Лорд Акильфадии	14
Глава 3. Дочь вождя	23
Глава 4. Вечер в Предгорье	31
Глава 5. Тень времён	38
Глава 6. Справедливость короля	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Елена Паленова

Легенда о золотых драконах. Часть 1

Пролог

Слова провидцев нельзя понимать буквально. Иола предсказала лютую зиму, поэтому акильфы дружно готовились к метелям и стуже, но оказались совершенно не готовы к беде, которая пришла в Акильфадию вместе с первым снегом.

– Сколько их? – уточнила Вея, брезгливо глядя на клацающее острыми зубами существо, запертое в маленькой клетке.

– Тысячи, – прямо посмотрел на госпожу воин, доставивший трофей, и уточнил: – Сотни тысяч. Нападают большими стаями и не оставляют после себя ничего живого. Две северные деревни уничтожены полностью, в третьей несколько человек успели спрятаться в подполах, поэтому пострадал в основном скот.

– Сколько там осталось людей?

– Два старика, три женщины и шестеро детей.

– Так мало?

На глаза юной госпожи навернулись слёзы, и воин отвёл взгляд, потому что должен был сообщить ей ещё одну неприятную новость, но никак не мог подобрать нужных слов. Вея это заметила. Почувствовала. И поняла, что произошло что-то ужасное.

– Мой брат... – начала она.

Воин лишь слегка качнул головой из стороны в сторону, и вопрос так и остался недосказанным. А зачем что-то говорить, если и так всё понятно? Всего за несколько дней невесть откуда взявшиеся стаи прожорливых чёрных драконов опустошили половину акильфийских земель. Размером не больше куницы, эти существа двигались стремительно и атаковали добычу стаями, поэтому спастись от нападения было практически невозможно. Особенно на открытом пространстве. Любая магия в их присутствии теряла силу, а отбиться обычным оружием от нескольких десятков злобных тварей не смог бы даже самый опытный воин. Отец Вей был хорошим воином, но это его не спасло, а теперь она потеряла и младшего брата – шестнадцатилетнего Лесса, принявшего на себя обязанности главы клана всего четыре дня назад.

– Как вам удалось поймать эту мерзость? – зло поинтересовалась девушка, кивнув в сторону клетки, за стальными прутьями которой бесновался лишённый одной задней лапы представитель самого кровожадного драконьего вида.

– Он запутался в рыболовной сети, – пояснил воин. – Отгрыз себе лапу, но улететь не смог, потому что правое крыло повреждено. Амри приказал доставить его в замок, чтобы маги попробовали выяснить, чем можно бороться с этой напастью.

– Маги? – горько усмехнулась Вея. – Последнего мага, способного колдовать, Лесс взял с собой в эту вылазку, и где он теперь? В отряде было шестнадцать воинов, включая моего брата, и колдун. Хоть кто-нибудь выжил? Можешь не отвечать, мне прекрасно известно, что остаётся на месте пиршества чёрных драконов. Сколько черепов вы насчитали?

– Семнадцать, – снова опустил голову воин.

– Значит, не выжил никто, и магов в замке больше нет, – подытожила девушка и брезгливо скривилась, потому что дракон издал отвратительный звук, больше похожий на скрип, чем на крик.

– Прикажете унести его? – уточнил мужчина, у которого от хриплого драконьего вопля волосы на затылке встали дыбом.

– Нет, оставь, – покачала головой Вея. – Передай Элеоту, пусть собирает старейшин. Клану нужен новый вождь, пока в этом ещё есть какой-то смысл. А я попытаюсь уговорить мать поработать с драконом. Будем надеяться, что новость о смерти единственного сына приведёт эту женщину в такой восторг, что она согласится нам помочь.

Глава 1. Непокорная колдунья

Акильфадия – это крошечная пядь некогда безжизненных земель. Маленький полуостров, с севера, запада и юга омываемый мутными водами Грязного моря, а на востоке отрезанный от королевства Сеарката цепью Лунных гор, снежные пики которых остаются белыми даже в самое жаркое время года. Всего каких-то триста лет назад этот стратегически бесполезный клочок каменистой земли населяли только змеи и птицы, а людям он был неинтересен. Неприступный скалистый берег исключал возможность судоходства, кривые карликовые деревья с трудом выживали на пятачках бедной почвы, а отсутствие источников пресной воды делало Акильфадия совершенно непригодной для жизни. Даже воинственные западные племена кьорвигов, регулярно досаждавшие обитателям прибрежной полосы соседнего королевства, всегда обходили это гиблое место стороной из опасения разбить свои юркие суда об акильфийские скалы. Но это было давно и продолжалось только до тех пор, пока в необитаемые земли не пришла магия.

Это случилось около двух с половиной столетий назад. Король Сеаркаты Мэрвик Безжалостный внезапно проникся ненавистью ко всему магическому и последние десять лет своего правления посвятил охоте на колдунов и провидцев, за что и получил пугающее прозвище. Маги не могли оказать сопротивление, поскольку, во-первых, законы магического мира предписывали использование природных сил исключительно на благие дела, а во-вторых, воины Мэрвика привезли откуда-то несколько сотен маленьких чёрных драконов и таскали их с собой по всему королевству, используя в качестве щита, подавлявшего любые проявления магии. Колдуны могли только бежать от этой напасти, что они и делали, причём не всегда благополучно. Многие погибли. Кому-то удалось бежать в северные или восточные королевства, но Мэрвик щедро платил за головы беглецов, поэтому магам, никогда и никому не причинявшим вреда, не было спасения и там.

Но природе было угодно, чтобы магия не исчезла полностью. Незадолго до казни старому провидцу Аглору открылась тайна пути через Лунные горы на скалистый западный полуостров, совершенно непригодный для жизни. В своём последнем видении Аглор увидел большой клан колдунов, в глазах которых не было страха – все были счастливы. Он поделился этим пророчеством с теми, кто тоже ждал тогда в подземельях своей печальной участи, но провидец допустил ошибку, потому что среди узников были жестокие люди, не имевшие к магии никакого отношения. Разбойники, убийцы, насильники – в Сеаркате всегда хватало тех, для кого не имели ни малейшей ценности ни человеческие жизни, ни законы, ни совесть. Аглор был казнён в назначенный срок, как и большинство тех, кто слышал его пророчество, а за пару дней до этого несколько приговорённых к смерти головорезов объединились в шайку и решились на побег. Конечно же, они прихватили с собой и кое-кого из магов, поскольку горную тропу в Акильфадия мог отыскать только колдун, дружный с магией земли – об этом тоже говорилось в пророчестве.

Так на безжизненных просторах Акильфийского полуострова появилась жизнь. Трудный путь через ущелья Лунных гор удалось преодолеть всего лишь троим разбойникам, а колдунья при этом выжила только одна. Она и колдуньей-то не была в полном смысле этого слова – совсем юная девчонка, в которой только-только начал раскрываться целительский дар. Её звали Марва, и в такой компании ей, понятное дело, пришлось несладко. Для этой девушки бегство из Сеаркаты ничего не изменило – она была обречена на гибель там, но и в Акильфадии её ждала не лучшая участь. Пленница, рабыня, наложница... Горькая доля приводит к безрадостным мыслям, и в какой-то момент Марва, не выдержав, переступила через основной закон природной магии – она убила человека. Сначала одного, а вслед за ним и двух других, потому что для оступившегося мага пути назад уже нет. К началу осени девушка осталась в

пещере на склоне одной из Лунных гор совершенно одна – голодная, измученная, полностью лишённая магических сил. И беременная. Давая жизнь своему ребёнку, Марва думала только о том, что нужно было просто прыгнуть с утёса на острые прибрежные скалы. Какой смысл производить на свет дитя, заведомо обречённое на смерть? Она умирала. Знала, что умрёт, едва услышав первый крик своего ребёнка, потому что это была её расплата за отнятые человеческие жизни. А потом умрёт и её новорожденный сын.

Никто не знает, как Лессену удалось выжить. Не маг, не провидец, не целитель – самый обычный мальчик вырос совершенно один на пустынном полуострове. Он был зверем, который не умел говорить и разводить огонь, но, сохранив этому ребёнку жизнь, природа дала ему цель – принести в Акильфадия магию. У Лессена было что-то вроде нюха на всё магическое. Он чувствовал силу, несвойственную предметам и живым существам, и всё, в чём ощущал присутствие этой силы, мальчик стаскивал в свою пещеру. Воля природы гнала его в Сеаркату – туда, где магия ещё осталась, и Лессен раз за разом проделывал долгий путь тайной горной тропой, чтобы добыть какую-нибудь безделушку вроде защитного амулета или поймать необычного зверька, в котором помимо жизни теплится ещё и частичка чего-то магического. Потом он осмелел и начал красть детей – всех, в ком чуял хотя бы зачатки магии. Люди не понимали его целей и видели в полузверёныше только зло, поэтому Лессен не дожил до своей двенадцатой осени – его выследили и убили. Обнаруженных в пещере детей вернули родителям, и путь в Акильфадия снова оказался забытым на долгие годы, но природа пустынного края успела получить то, ради чего мальчику была дарована эта короткая жизнь. Скопившаяся в пещере Лессена магия помогла пробиться сквозь толщу камня чистому источнику. Вода хлынула со склона, затопила ущелья и разлилась у подножия Лунных гор в Сеаркате широким озером.

К тому времени короля Мэрвика уже не было в живых – он умер от неведомой, но продолжительной и очень неприятной болезни. Поговаривали, что кто-то из магов таким образом отомстил жестокому правителю за гонения колдунов, но подтвердить эти слухи было некому – Мэрвик ухитрился истребить всех целителей, кто имел хоть какое-то отношение к магии. Спасти умирающего владыку тоже, соответственно, не смог никто. Его место на троне Сеаркаты занял Даэн Мудрый, получивший своё прозвище за осторожность в принятии решений и способность просчитывать последствия любых действий на несколько десятилетий вперёд. Даэн был провидцем, но при этом входил в королевский Совет Мэрвика, поскольку обладал острым умом и проницательностью, а его пророческие возможности сводились всего лишь к способности видеть собственную смерть – совершенно безвредный дар, который делал советника шутком в глазах прежнего правителя королевства. Мэрвик не упускал возможности посмеяться над тем, как этот обречённый на вечное бегство от смерти мужчина старательно ищет для себя пути к спасению, но в итоге последним указом короля именно Даэн был назван наместником до тех пор, пока кто-нибудь из сыновей королевской крови не достигнет возраста коронации. Это было опрометчивое решение, поскольку Даэн после кончины Мэрвика первым же делом распорядился избавить Сеаркату от законных наследников трона.

Даэн Мудрый положил конец охоте на колдунов, но ужесточил законы о применении магии, поскольку некоторые видения предсказывали ему смерть от колдовства. Он освободил тех немногих пленников, кто по указу Мэрвика дождался в темницах казни за причастность к магическому сообществу, но отпустить колдунов на волю не рискнул. Сначала маги перекочевали из подземелий в тщательно охраняемое селение, а позже, когда новая горная река открыла путь в Акильфадия, узников переправили на безжизненное плато полуострова, запретив возвращаться назад. Туда же увозили и тех, кто раскрывал свои способности к магии уже при правлении Даэна. Так на некогда безжизненных землях и образовался небольшой клан акильфов, во главе которого всегда стоял обычный человек – главный надзиратель за колдунами и провидцами, получающий за свою пожизненную службу очень высокое жалование от короля Сеаркаты.

Природная магия, использованная во благо, способна на многое. Очень быстро бесплодные каменистые пустоши Акильфадии покрылись сочными травами. На пологих горных склонах выросли леса, в которых в изобилии водились всевозможные животные и птицы. Магия акильфов дарила Акильфадии жизнь, и благодарная природа отвечала на это великой милостью, оберегая людей от болезней, суровых ветров, губительной засухи и всего остального, что было в её власти.

На северо-западе полуострова, на самом высоком утёсе над скалистым побережьем Грязного моря, всего за одно лето акильфы-маги выстроили для своего предводителя большой и красивый замок из прочного горного камня. После мрачных подземелий Сеаркаты колдунам не нравилось замкнутое пространство каменных стен, и сами они предпочитали жить в небольших селениях на открытой местности, где всегда много воздуха и света. Природа давала им всё, что необходимо – огонь, воду, тепло и пропитание. В замке жил только глава клана и приближённые к нему командиры, следившие за соблюдением магами порядка и запрета на возвращение в Сеаркату.

Колдуны никогда и не пытались нарушить запрет – они наслаждались вновь обретенной свободой, пусть и условной. И всё же они оставались пленниками, хотя спустя много лет эта грань уже и не казалась такой чёткой. Обычные люди и маги жили семьями, рожали детей. Это естественно для человеческой природы, ведь магия – всего лишь особая способность, и она не превращает человека в чудовище. Чудовищами людей делает характер. В следующие двести лет клан акильфов видел разных предводителей, каждый из которых отличался от предыдущих и поведением, и отношением к магам. Закон не менялся – менялись сами люди. Кто-то был добр и справедлив, а кто-то...

Тангур, последний законный глава клана, был пришлым – он прибыл из Сеаркаты по приказу действующего короля. Суровый воин, закалённый в бесчисленных боях с кьорвигами, он видел в магах только жалких существ, не способных использовать данную им природой силу даже для собственной защиты. Тангур презирал колдунов за их бесполезность в бою, но уважал провидцев и целителей, поскольку от этих способностей для человека военного был хоть какой-то толк. Прибыв в Акильфадия, новый вождь пришёл в ярость, поскольку обнаружил, что беззаботная жизнь и отсутствие внешних угроз превратили его подопечных в крестьян, которые давно разучились держать в руках оружие. Даже те, кто был направлен на службу сюда всего год назад, успели расслабиться и забыть о том, кто они, и с какой целью оказались на полуострове.

С приездом Тангура спокойная и безмятежная жизнь в Акильфадии закончилась. В первый же день своего правления он приказал до заката собрать на лугу перед замком весь клан, включая немощных стариков и грудных детей. К этому времени население полуострова разрослось до шести крупных селений и десятка хуторов, в которых жили почти восемь сотен человек – это много, если учитывать, что прежние вожди пустили всё на самотёк и даже не вели учёт тех, за кем им полагалось строго следить. Следующие два дня Тангур с редкими перерывами на приём пищи проводил поголовную перепись, выясняя происхождение и корни каждого жителя Акильфадии. Он не взял себе помощника, потому что привык никому не доверять. Ему было плевать на то, что люди устали. Порядок прежде всего – для этого он и приехал.

Перепись дала многое. Тангур выяснил, что от союза мага и обычного человека никогда не рождаются новые маги. У некоторых таких отпрысков проявляется дар предвидения, целительские способности или ещё какие-нибудь особые умения, но в большинстве своём это самые обычные дети. С момента основания клана прошло больше двух сотен лет, и полноценные колдуны за это время успели почти полностью выродиться, поскольку чистые браки между магами были редкостью. Девять колдунов, шестнадцать целителей и всего четыре провидца на почти восемь сотен душ населения – вот к чему привело попустительство прежних вождей. С одной стороны, Тангuru это было на руку – чем меньше в мире магии, тем меньше с ней возни.

Но услуги колдунов пользовались высоким спросом, когда возникала необходимость создания защитных амулетов и прочей магической ерунды, поэтому за численностью акильфов-магов полагалось очень строго следить. Никто не следил, а спрос теперь был с нового вождя.

Тангур не стал скрывать ситуацию от своего короля. Подведя итоги переписи, он немедленно отправил в Сеаркату полный отчёт и рьяно взялся за решение образовавшейся проблемы. Две дряхлые старухи, двое малолетних детей и пятеро сильных мужчин разного возраста – для увеличения численности магов этого явно было недостаточно. Нужны были женщины. Чистокровные колдуньи. И чем больше, тем лучше, но в Сеаркате они уже все давно перевелись, и действующему королю Эгдану Справедливому пришлось выложить из королевской казны немалую сумму за нескольких ведьм с востока. Пять девушек в первый год и ещё десять – в следующие два года. Чистокровные рабыни-колдуньи стоили дорого, и Эгдан, в отличие от нового вождя акильфов, не считал их приобретение первой необходимостью. Каждый мужчина-колдун получил по наложнице – для начала этого было достаточно. Через три года у каждого колдуна уже было по одному отпрыску, а количество наложниц увеличилось до трёх. На этом щедрость Эгдана Справедливого себя исчерпала.

Маги были для Тангура не более чем стадом животных, популяцию которых требовалось восстановить. Чувства... Кому какое дело до чувств колдуна? Семья у него? Ну так ведь это же хорошо – есть рычаг давления. Никто и не запрещает иметь семью, но наложницы должны беременеть и давать потомство, и это не просьба, а приказ. Хочешь, чтобы твои жена и дети были целы – развлекайся на всю катушку. Что плохого в наложницах, особенно если они молоды и недурны собой? Тангур поставил цель – в Акильфадии должно быть не меньше сотни чистокровных магов. Отказываться от этой цели ради чьих-то чувств он точно не собирался.

Увы, всё оказалось не так просто, как вождю хотелось бы. За первые пять лет правления он добился только жгучей ненависти к своей персоне со стороны всех жителей Акильфадии без исключения. Тангур не учёл, что даже чистокровные дети не всегда рождаются магами. Из трёх десятков новорожденных младенцев только шестеро проявляли магические способности, а остальные либо имели какой-нибудь малозначительный дар, либо появлялись на свет и вовсе бесполезными. Намеченная цель перестала казаться простой и быстро достижимой.

Но причина ненависти к Тангуру крылась даже не в его бесцеремонном обращении с колдунами – он много чего успел изменить, причём далеко не в лучшую сторону. Например, он тратил почти всё своё жалование на обучение мужчин клана воинскому ремеслу. Зачем? Да просто ему так хотелось. Мужчина должен быть воином, и всё тут. Какая разница, есть внешняя угроза или нет – умение быстро и безжалостно расправиться с врагом ещё никому не навредило. Тангур привёз из Сеаркаты десять наёмников, каждый из которых получил в своё подчинение небольшой отряд мужчин и мальчишек, достигших десятилетнего возраста. Военная муштра никому не приносила радости и отвлекала от хозяйственных дел, но вождю было на это наплевать – хозяйством пусть бабы занимаются, иначе зачем они вообще нужны?

Труднее всего акильфам приходилось в те дни, когда Тангур от скуки устраивал парные состязания «до полной победы». Он долго наблюдал за ходом занятий, а потом выбирал три пары самых слабых воинов и заставлял их биться до тех пор, пока противник не умрёт. Случались такие бои не слишком часто, но они здорово подстёгивали остальных – всех, кому дорога была жизнь. Будешь слабым – умрёшь. Хорошая мотивация для обленившихся крестьян, но каждое такое состязание уносило три жизни, и людям в клане это не нравилось. Им много чего не нравилось в решениях нового правителя, но избавиться от Тангура не было никакой возможности – маги ни за что не пошли бы на убийство, а простые смертные опасались, что открытый бунт обернётся гневом со стороны короля Сеаркаты, который хоть и звался Справедливым, но был достаточно жесток.

А потом в Акильфадия доставили красавицу-колдунью Аллелию. Она была сиротой и ничего не знала о своём происхождении, а способности к магии проявились у неё только на

двадцать третьем году жизни, когда девушка уже вышла замуж и успела подарить любимому супругу наследника. Любимый супруг и донёс на неё королевским стражам, поскольку был верен своему королю и свято чтит законы Сеаркаты. Аллелию оторвали от двухлетнего сына и увезли вверх по горной реке в клан акильфов, где ей полагалось стать очередной наложницей одного из пяти колдунов. Так и случилось бы, если бы потрясающая красота этой девушки не лишила Тангура сна и покоя. Роскошная грива золотисто-рыжих волос, тонкая талия, тёмные брови с плавным изгибом, большие карие глаза и полные чувственные губы – вождь настолько желал заполучить эту редкую красавицу в свою постель, что не слишком долго метался между интересами королевства и своими собственными. Он оставил Аллелию себе.

Все, кто жил в замке, знали, что молодая колдунья не разделяет страсть своего господина. Тангур не церемонился с наложницей и никогда не был с ней нежен, потому что каждую ночь наталкивался на стену холодной ненависти и сопротивление. Он брал её силой, но так ему даже больше нравилось, ведь победа пусть и над таким слабым противником для истосковавшегося по борьбе воина была слаще мёда, а награда за эту победу превосходила все его ожидания. Но его радость закончилась, когда Аллелия понесла – она боялась навредить ребёнку, поскольку драки с крупным и сильным Тангуром всегда заканчивались для неё плачевно. Колдунья стала тихой и покорной. Вождь заскучал и вспомнил, что давно не устраивал кровопролитных состязаний.

Аллелия ничего не знала об этих поединках, потому что со дня своего прибытия в Акильфадию сидела взаперти в покоях вождя, а через решётку на окне его спальни было видно только безбрежное море. Тангур решил развлечь свою пленницу и взял её с собой, но не учёл, что кровопролитие может прийтись его возлюбленной не по душе. Она обрушила на ристалище такой ливень, что низвергающиеся с неба потоки воды в несколько мгновений размывили утоптаный слой почвы до самого каменного основания. Никто не пострадал, законы природы не были нарушены, но рабыня-колдунья проявила непокорность, и в назидание другим её следовало сурово наказать.

Боги, магия и беременность не спасли бунтарку от возмездия. Тангур собственноручно застегнул на Аллелии ошейник из жёсткой кожи, пропитанной кровью чёрных драконов, а потом приковал её цепями к столбу на учебной площадке и выставил друг против друга не три, а восемь пар воинов. Поединок продолжался до тех пор, пока на залитой кровью земле не остался стоять всего один израненный мужчина – победитель. Каждую смерть Аллелия чувствовала, как свою собственную. Каждая нанесённая острой сталью рана отзывалась болью в её нежном сердце. Она не могла помешать этому, потому что ошейник лишил её магических сил. И не смотреть тоже не могла, поскольку Тангур пригрозил, что убьёт её сына в Сеаркате, если колдунья хотя бы на миг отведёт взгляд.

Все в Акильфадии знали, каков на самом деле их вождь, но Аллелия с такой жестокостью столкнулась впервые. Тангуру показалось мало пережитого девушкой нервного потрясения, и ночью он вдобавок выместил свой гнев на ней кулаками, а в последовавшей за этим потерей нерождённого ребёнка увидел очередной бунт. «Ты не переступишь порог этой комнаты, не увидишь другого лица, кроме моего, и не снимешь ошейник до тех пор, пока не родишь мне сына», – поставил он перед пленницей цель и сделал достижение этой цели смыслом своей жизни.

Аллелия не могла помочь даже самой себе, потому что целительная магия ей больше не подчинялась. Три долгих года она терпеливо сносила побои и унижения, пытаясь мольбами доказать Тангуру, что ежедневные издевательства не сказываются положительно на её здоровье. Характер вождя испортился окончательно, и к ненависти жителей Акильфадии добавился ещё и страх за свои жизни, а страх – лучшее средство добиться желаемого. Тангур хотел получить своё собственное маленькое войско – он его получил. С увеличением численности колдунов всё было намного сложнее, но эту цель вождь клана больше и не преследовал. Он почув-

ствовал власть и безнаказанность. Служба королю Сеаркаты утратила смысл, потому что путь в Акильфадии был только один, и воспитанные на кровопролитии воины не позволили бы никому вторгнуться в эти земли. Тангур защитил свои владения даже от тех, чьим приказам обязан был подчиняться. Рабыни-колдуны были избавлены от участи племенных кобыл, а колдуны получили возможность наконец-то вернуться в свои семьи, где счастьем всё равно уже даже и не пахло. Избавившись от этого навязанного долга, вождь клана акильфов всё своё свободное время посвятил Аллелии, которая к этому времени мечтала только о смерти.

Увы, за ней тщательно следили, хотя наложница вождя и не видела своих тюремщиков. Любая попытка причинить себе вред немедленно пресекалась, а за этим неизбежно следовало наказание. На четвёртом году жизни в Акильфадии, после одного из таких наказаний, что-то внутри Аллелии сломалось, и она стала всего лишь бледной тенью той роскошной красавицы, от которой когда-то Тангур хотел только одного – взаимности. Наверное, внутренний протест и сила воли всё же мешали ей повторно забеременеть от мучителя, потому что долгожданное дитя зародилось в чреве колдуны только после того, как ей стало всё равно. В этой новости было мало радости, но хотя бы ежедневные издевательства Тангура прекратились. Впрочем, они возобновились почти сразу же после того, как вождь узнал, что у него родилась дочь.

Акильфадия жила в страхе, но мирно. Акильфы боялись и ненавидели главу своего клана, но безропотно подчинялись его приказам. На полуострове наконец-то воцарился порядок, и постепенно все привыкли к новым порядкам, хотя мысленно и желали Тангуру скорейшей кончины. Аллелия желала этого сильнее всех. Прошло ещё четыре года мучений, прежде чем высокие своды замковых башен наконец-то эхом отразили первый крик Лесса – новорожденного наследника жестокого вождя.

К тому времени мать, которая должна была быть счастлива, научилась ненавидеть не только своего господина, но и его сына тоже. Аллелия полностью утратила интерес к жизни, к свободе, к магии – в ней не осталось ничего, кроме ненависти. Сбежала бы, когда ошейник наконец-то сняли, но за её попытку бегства мог поплатиться ни в чём не повинный мальчик, который жил где-то в Сеаркате со своим предателем-отцом, и которому уже должно было исполниться десять лет. Колдуны жила только одной мыслью – её первенцу ничего не грозит, пока она сама не совершает необдуманных поступков.

Она больше не боялась Тангура, который после рождения сына утратил к изуродованной побоями ведьме всякий интерес. К тридцати годам Аллелия была обезображена настолько, что уже ни в ком не могла вызвать никаких чувств, кроме брезгливости и жалости. Её чудесные золотисто-рыжие волосы стали пепельно-серыми, а некогда прекрасное лицо было настолько обезображено шрамами, что даже сломанный несколько раз и ставший крючковатым нос не делал его более уродливым. Она сильно сутулилась и прихрамывала на одну ногу, которую Тангур однажды в приступе ярости сломал, как сухую ветку, а о том, чтобы лекари вправили кость на место, даже не позаботился. Какое ему дело до тех частей тела непокорной колдуны, которые не имеют отношения к деторождению? Да никакого.

Новорожденного Лесса у Аллелии забрали сразу же, как только он родился, да она ничего против и не имела. Ошейник сняли, из замка вывели – свободна. Тангур не испытывал недостатка в женщинах, согласных делить с ним постель, поэтому уродливая колдуныя стала ему не нужна – он получил от неё всё, чего хотел. Подумывал убить, но Аллелия оставалась чистокровной колдуньей и всё ещё была способна рожать. Найдёт утешение на ложе какого-нибудь колдуна – хорошо. Не найдёт – ну и ладно. Умрёт – для неё же и лучше.

Она не умерла, но и жить среди людей тоже не смогла. Нашла пустующую пещеру на одном из склонов Лунных гор и поселилась там. Река с чистой водой была рядом, недоверчивые лесные зверьки охотно шли на зов магии, чтобы в итоге стать пищей – одинокой колдуньей, утратившей вкус к жизни, много не надо. Иногда она находила возле своего жилища корзинку с едой или свёрток с новой одеждой, но благодарности за эти подачки ни к кому не испытывала

– разучилась быть благодарной. Заставила себя забыть о Тангуре и его детях, но никогда не забывала светловолосого мальчика, которого у неё отняли. День за днём, ночь за ночью – она думала только о нём и молила богов дать её сыну здоровье и силы выжить в этом жестоком мире. Аллелия представляла, как он растёт. Наблюдала со склона горы за детьми, резвящимися внизу на лугу, и подсчитывала годы. Сколько лет прошло с тех пор, как её привезли в Акильфадия? Десять? Значит, Джеведу уже двенадцать. Или больше? Пятнадцать? Шестнадцать? В этих краях очень мягкие зимы, а смена времён года настолько размыта, что подсчитать сложно. Сколько ей самой лет? Как долго она влачит это бессмысленное существование?

– Тебе сорок семь, мама, – легла на её загрубевшую руку тонкая ладонь молодой и очень красивой девушки. – Ты опять забыла, да? И снова разговариваешь сама с собой.

Медно-рыжие кудри, удивительные зелёные глаза, слегка курносый нос и сочные губы цвета спелой земляники – знакомые черты, но Аллелия никак не могла вспомнить, где и когда видела их раньше.

– Ты кто? – отшатнулась она от незнакомки и больно ударилась спиной о большой камень у входа в пещеру.

– Значит, забыла, – вздохнула девушка и горько усмехнулась. – А я принесла тебе добрую весть. Тангура и пару десятков его воинов четыре дня назад сожрала стая чёрных драконов. Сегодня эти же твари расправились с Лессом, его сыном. Мужчин, разрушивших твою жизнь, больше нет.

– Чёрные драконы? – сощурилась колдунья, отчего её уродливое лицо стало ещё более безобразным. – Откуда в Акильфадии чёрные драконы? Они никогда не пересекали границу Лунных гор.

– Но они здесь, мама, и их тысячи.

– Мама? У меня никогда не было дочери, – тряхнула Аллелия седой головой. – Кем бы ты ни была, уходи отсюда. Скоро сядет солнце, а эти твари всегда нападают после заката.

– Они нападают днём, причём только на северные селения, – снова вздохнула Вея и откинула тканевый полог с маленькой клетки, которую принесла с собой. – Нам удалось поймать одного, и я думала, что ты pomoжешь понять...

– Тангур точно мёртв? – перебила её колдунья, недоверчиво вглядываясь в знакомые черты.

– И Тангур, и его сын, – уверенно кивнула девушка.

Аллелия склонила голову набок и задумчиво посмотрела на притихшего дракончика, который, кажется, собирался издохнуть.

– Это не дракон, – наконец-то покачала она головой. – Это всего лишь проводник. Такие живут не дольше двух дней, но они невероятно прожорливы. Четыре дня прошло, говоришь? Значит, настоящий дракон где-то рядом, и эти маленькие уродцы ведут его сюда. Боюсь, девочка, Акильфадия очень скоро снова превратится в голый безжизненный камень, и это, наверное, даже к лучшему. Мне надоело здесь жить. Пусть все умрут.

Глава 2. Лорд Акильфадии

– Как думаешь, там кто-нибудь выжил? Не хочу слушать, как эти гадкие колдунишки будут выть и молить о пощаде, когда тебе придётся их добивать.

Таирия кокетливо намотала на тонкий пальчик длинный светлый локон и послала жениху такой невинный взгляд, что ему сразу же расхотелось спорить с этой недалёкой глупышкой. Нужно было оставить невесту дома, в окружении заботливых родственников – пусть бы примеряла наряды и готовилась к предстоящей свадьбе. Но нет, ей приспичило тащиться за ним в это утомительное путешествие, которое, к тому же, было ещё и опасным.

– Там живут люди, Тая. Колдунишки они или нет, но я предпочёл бы получить вместе с землями ещё и подданных, а не только шныряющих по пустошам лис и куниц. К тому же, два десятка проводников вряд ли причинят много вреда. Я отправил их туда только для того, чтобы немного ослабить магию на случай возможного сопротивления.

Маркус сокрушённо покачал головой, подозревая, что назойливая девица превратит его жизнь в кошмар еще до того, как они доберутся до Акильфадии, и не ошибся – Таирия обиженно надула губки и сочла своим долгом напомнить ему о том, что...

– Когда мы поженимся, у тебя будет много земель и столько подданных, что на это забытое богами и людьми место времени совсем не останется.

– И-и-и? – вопросительно протянул Маркус, приподняв правую бровь, поскольку чувствовал, что невеста высказала ему далеко не всё.

– И я уже позаботилась о том, чтобы в этой стране колдунов нам никто не навредил, поэтому мы можем отправляться туда хоть прямо сейчас, – маленький подбородок девушки воинственно взмыл вверх, а золотисто-карие глаза засветились триумфом. – Я не бесполезная дурочка, учти. У меня четверо совершенно несносных братьев и две старших сестры. Выживать я научилась раньше, чем ходить, и не надо смотреть на меня, как на неразумного ребёнка. Мне семнадцать. Я взрослая женщина, вполне способная постоять за себя и защитить тех, кто мне дорог.

Маркус набрал полную грудь воздуха и медленно выдохнул, пытаясь справиться с нарастающим раздражением.

– И каким именно способом ты позаботилась о нашей безопасности в Акильфадии? – осторожно уточнил он, надеясь, что невеста не заметит нервное подёргивание его щеки.

– А вот не скажу! – фыркнула Тая в ответ и скрылась за пологом своего шатра раньше, чем заподозривший неладное жених успел схватить её за руку.

– О, боги, дайте мне терпения, – вполголоса простонал молодой человек, обречённо закатив глаза.

Он не просил невесту, но королю Эгдану Справедливому внезапно пришла в голову гениальная мысль о том, что первому законному лорду Акильфадии непременно понадобятся молодая жена и наследники. Акильфадия Маркус, кстати, тоже не просил – ему навязали этот унылый клочок суши, как и взбалмошную девицу, от которой с момента принятия владыкой Сеаркаты решения о бракосочетании были сплошные неприятности. Всё, что безземельный воин Маркус Колехорт мечтал получить в благодарность за долгие годы верной службы – это собственный дом. Ему не нужны были ни обширные земли, ни титул лорда – только свой угол, куда можно забиться, чтобы в тишине и покое зализать раны после очередной стычки с неутоемыми кьорвигами. Отдельной комнаты в одном из городских домов для воинов, состоящих на королевской службе, было бы вполне достаточно. Он просто выбрал не слишком удачный момент для того, чтобы обратиться с этой просьбой к Эгдану, и всего за один день превратился из нищего солдата в лорда Колехорта, законного владельца Акильфийского полуострова и западных отрогов Лунных гор, а апогеем этого праздника жизни стала помолвка с одной из

внучатых племянниц короля, которую родственники, кажется, только рады были побыстрее сбыть с рук.

Всё бы ничего, но миловидная семнадцатилетняя блондинка Таирия Эгри оказалась чересчур назойливой, навязчивой и непредсказуемой, а пожалованную королём Акильфадия нужно было ещё каким-то образом отнять у Тангура Кога, управлявшего кланом акильфов на протяжении последней четверти века. Маркус ещё даже не родился, когда Тангур уже снискал себе славу безжалостного воина. Никто не рисковал без особой нужды соваться во владения этого человека, потому что Ког не щадил тех, в ком видел хотя бы тень угрозы своим интересам. Его боялся даже сам король, что уж и говорить о простых смертных?

Эгдан Справедливый потерял контроль над Акильфадией в тот самый день, когда принял опрометчивое решение навязать клану акильфов вождя со стороны и отправил туда самого свирепого и жестокого воина Сеаркаты. До этого управление кланом наследовалось, но королю показалось, что потомки первого назначенного главы не слишком успешно справляются со своими прямыми обязанностями. Поступали донесения, что маги свободно творят в Акильфадии любое колдовство, какое захотят, а это было неправильно. Магия, пусть и природная – это страшная сила. Её нужно жёстко контролировать, для чего в земли акильфов и был направлен Тангур Ког, который первое время добросовестно справлялся со всеми своими непосредственными обязанностями, а потом возомнил себя едва ли не равным королю. В Акильфадии появилось собственное войско – пусть и небольшое, всего в четыре сотни человек, но этого не должно было случиться. И законы Ког тоже установил свои собственные, полностью изменив прежний порядок. Отрезанному от обитаемого мира полуострову полагалось быть тюрьмой для колдунов, но никак не самостоятельным государством, а Эгдан боялся туда сунуться, потому что под началом Тангура стояли колдуны – опасная сила, развитие которой некоторое время весьма опрометчиво финансировалось из казны Сеаркаты.

Открытая война с акильфами грозила королевству большой бедой, поэтому Эгдан долгое время закрывал глаза на то, что утратил власть над треклятым полуостровом. Он продолжал регулярно получать доклады и отчёты от Кога, но в последние несколько лет они были больше похожи на угрозу. Четыре сотни хорошо обученных воинов, без малого полсотни колдунов, пусть и юных – Акильфадия стала неприступной. А в последнем отчёте, отправленном два года назад, Тангур прямым текстом написал, что больше не потерпит вмешательства в свои дела, что было уже верхом наглости и безрассудства.

Король Сеаркаты понимал, что от Кога нужно срочно избавляться, но как? Магия защищала Акильфадия от болезней, да и целителей там было столько, что надежда на преждевременную кончину обнаглевшего вождя от какой-нибудь хвори или раны казалась смехотворной. Чёрные драконы, способные подавлять любые проявления колдовства, тоже были бесполезны – полуостров располагался за пределами доступной им территории. Условно Акильфадия считалась владениями золотых драконов, которые уже давно вымерли, но даже самый глупый представитель любого из существующих видов крылатых чудовищ не рискнул бы нарушить древние границы, потому что у драконов это было развито на уровне инстинктов – нельзя, и хоть ты тресни.

Появление в тронном зале Маркуса Колехорта стало для Эгдана Справедливого целебным бальзамом на давно не заживающую рану. Колехорты испокон времён славились уникальным умением находить общий язык с драконами, а король умудрился об этом забыть. Вот оно – решение. Подчиняясь воле последнего представителя древнего рода, чёрные драконы смогут преодолеть границу Лунных гор и сделать бессильными акильфийских магов. Это ослабит противника. Армия в Акильфадия войти не сможет – обученные Когом воины перебьют всех ещё на реке, поэтому дальше предстоит действовать хитростью, но уж против обычных людей оружие в Сеаркате точно было.

«Я дам тебе одного дракона, Маркус. Выберешь сам, какого захочешь, и он останется твоим навсегда. Понимаю, что это не совсем честно, и ты уже заслужил право на то, о чём просишь, поэтому считай это не приказом, а просьбой. Королевской просьбой и услугой, которая навсегда освободит тебя и этого единственного дракона от воинских обязанностей. Последний бой, Маркус Колехорт. Акильфадия уже принадлежит тебе, и ты – её законный правитель. Тебе нужно только избавиться от мятежника, захватившего власть, а все нужные указы я подпишу сегодня же. Четыре поколения твоих предков находились в опале из-за ерундовой стычки с соседями, и я готов исправить это прямо сейчас, если ты согласишься мне помочь».

Отказать королю... Возможно, эти слова и были просьбой, но из уст правителя Сеаркаты они всё равно звучали как приказ. согласишься – есть риск остаться ни с чем. Откажешься – просьба станет приказом, и её всё равно придётся выполнять, но уже на менее выгодных условиях. Королям не отказывают – им повинуются.

Маркус вошёл в королевский замок безземельным воином и выходцем из опального рода, а вернулся оттуда лордом Колехортом и законным правителем отдалённой провинции Сеаркаты. Ему подарили землю. Один день пешего пути с востока на запад и два с половиной – с севера на юг. Это много. Очень много, особенно если учитывать, что раньше у Маркуса вообще ничего не было, кроме верной каурой лошади Герты. Теперь у него был собственный дракон Чёрный Ветер, с которым ещё только предстояло найти общий язык. Были владения, которые необходимо отобрать у свирепого Тангура Кога. Была невеста из знатного рода королевских кровей – тоже весьма сомнительное приобретение. Если бы вместо руки Таирии Эгри король пожаловал своему вассалу пару десятков хорошо обученных воинов – это было бы куда более ценным подарком, но Эгдан Справедливый в некоторых случаях становился ужасным скрягой. Сеаркате нужна постоянная защита от кьорвигов, и свободных воинов в наличии не имеется – всё, вопрос исчерпан.

Ещё и невеста, чтоб её... Таирия почему-то свято верила, что путешествие Маркуса в Акильфадия – это всего лишь блажь. Да, она младшая дочь, и её приданое не настолько обширно, как хотелось бы, но это плодородные земли, на которых живут тысячи крестьян и арендаторов. Тучные стада коров и овец. Конная ферма, где разводят выносливых и очень дорогих породистых лошадей. Собственный торговый городок с кучей всевозможных мастерских. Владения, которые перейдут к Маркусу после свадьбы, почти втрое больше того куска камня, который подарил ему король, так чего же ещё не хватает этому мужчине? Короне хотелось вернуть власть над отдалённым и никому не нужным полуостровом-тюрьмой? Да без проблем! Нужно просто убить там всех, и пусть Эгдан делает потом с Акильфадией всё, что заблагорассудится.

Она не понимала. Не хотела понимать. Избалованная девчонка выросла на всём готовом, она никогда не испытывала чувство голода или одиночества. У неё были любящая семья, огромный дом и гардеробная размером с маленькое поместье, а Маркус рос нищим сиротой, ценность жизни которого заключалась только в его умении общаться с драконами. Его семью лишили всего не за нелепую стычку с соседями, как сказал Эгдан, а именно за это уникальное умение. Королям было удобнее дарить милость опальным вассалам, чем опасаться, что когда-нибудь Колехорты взбунтуются. Половину семьи казнили просто ради того, чтобы держать в страхе остальных. Четыре поколения род Колехортов был разделён. Детей отнимали у родителей и отдавали в чужие семьи, чтобы братья и сёстры никогда не узнали о существовании друг друга. И Эгдан, который звался Справедливым, тоже так поступил с семьёй Маркуса, потому что короли всегда боятся тех, кто сильнее, умнее или способнее.

Маркуса воспитали люди, которые были ему никем. Он рос всего лишь ещё одним голодным ртом в тесной конуре, где приходилось делить жёсткий тюфяк и скудную пищу с ещё тремя мальчишками, которые не были ему братьями. О том, что он Колехорт, мальчик узнал только в двенадцать лет, когда его забрали из приёмной семьи на службу в войско, защищав-

шее южное побережье Сеаркаты от постоянных набегов кьорвигов. Родители погибли на этом же побережье, потому что тоже служили королевству. Где-то воевал и младший брат Маркуса Оуэн, но никто не мог сказать, где именно, да и смысла в этом не было никакого – до двадцати пяти лет молодым воинам запрещалось покидать прибрежный лагерь. А потом стало поздно искать брата – Оуэн пал в бою.

Ненавидел ли за всё это Маркус своего короля? Нет. Он с самого рождения не знал другой жизни, поэтому ничего не потерял. Тяготы судьбы и военная служба закалили его тело и дух. Жаловаться было не на что, но знание о благородном происхождении всё же не давало покоя. Даже выходцам из опальных благородных семей полагались привилегии, а Маркус никогда этим не пользовался. Он привык считать себя простым солдатом и не хотел возвышаться над теми, кого называл друзьями. Не использовал удвоенный срок отпуска, не просил более комфортных условий проживания, хотя мог бы. Единственной его просьбой за всё время службы была хорошая, резвая лошадь – в его гарнизоне было мало верховых лошадей, и необходимость в них даже во время обычных патрулей оставалась очень высокой.

В двадцать восемь лет, с большим трудом оправившись от полученного в бою ранения, Маркус Колехорт наконец-то набрался решимости попросить командира об отдельном жилье. Он едва не потерял правую руку и провёл в госпитале почти три месяца, но рана заживала плохо и всё ещё беспокоила, а для того, чтобы управлять драконом, нужны обе руки и сила. Маркус мог держать меч и в левой руке, но его служба заключалась в работе с драконами, и в открытый бой такого ценного воина не выпустил бы ни один командир. Фактически до полного выздоровления он оказался бесполезен, потому и попросил комнату в городском доме – отдохнуть в тишине, прийти в себя, найти хорошего лекаря, который сможет ускорить процесс исцеления, а потом вернуться к друзьям, врагам и крылатым чёрным чудовищам, которые понимали его с полуслова.

Просил комнату, а получил целый полуостров, да ещё и титул лорда вернул, что тоже было немаловажно. Если раньше Маркус защищал королевство, то теперь ему предстояло заботиться о вновь обретённой чести своего древнего рода. В Акильфадии живут люди. Его люди. О какой чести может идти речь, если он по совету семнадцатилетней девчонки начнёт убивать их? Да, там есть и колдуны, но если заглянуть подальше в прошлое, то судьба их предков очень сильно напоминает судьбу рода Колехорт. Маги подверглись гонениям только потому, что их боялся король Мэрвик. Они никому не вредили. Напротив, природа наделила их особой силой, чтобы дарить жизнь, а не отнимать её. Точно так же природа дала Колехортам умение дружить с драконами, и каков результат? Обязанность Маркуса – сделать жизнь этих людей достойной и уважать их, потому что они такие же, как он сам. Лишённые всего изгнанники. Таирии придётся пересмотреть своё отношение к колдунам, потому что оно полностью отражает её отношение к будущему супругу. Если она намерена кого-то презирать и обижать – пусть катится обратно к своим родственникам и забудет о свадьбе, даже если это разгневет короля. Неуважения к себе со стороны жены Маркус терпеть точно был не намерен.

Понять бы только, как именно эта самовлюблённая дурочка «позаботилась» о том, чтобы обезопасить себя и будущего мужа в путешествии в Акильфадия. Вверх по горной реке никто не поднимался уже несколько месяцев – об этом Маркус узнал от дозорных, охранявших единственный путь в края акильфов. Незаметно отправить туда армию или каких-нибудь головорезов Таирия не смогла бы. В это путешествие она взяла с собой только горничную, двух слуг и двух служанок, которые боготворили свою юную госпожу, но что они могли сделать? Тоже вроде бы ничего. Если речь шла о защитных амулетах от колдовства, которыми суеверные слуги увешали даже лошадей, то слова Таирии о безопасности звучали просто глупо – амулеты подчиняются тем, кто их создал, а сделаны они акильфийскими магами.

Сам Маркус всё же набрал небольшой отряд из прежних боевых товарищей, списанных с военной службы после тяжёлых ранений и ставших никому не нужными. Он предупредил

короля, что сделает это, и получил согласие, но кормить и одевать искалеченных в боях друзей ему предстояло за свой счёт. Личных сбережений у Маркуса было немного. Он не тратил своё жалование во время службы и на всём экономил, чтобы собрать хоть немного средств на поиски брата, которого теперь уже не нужно было искать. На собственное приличное жильё этих денег всё равно не хватило бы, поэтому Маркус и решил, что в состоянии прокормить и обеспечить всем необходимым шесть человек, которых позвал в двухмесячный поход за Лунные горы. Брать с него плату за помощь brave товарищи отказались наотрез. Скромный паёк, палатки и тёплая одежда, потому что зима обещала быть суровой – вот всё, что им было нужно.

Впрочем, неугомонная Таирия Эгри сунула свой маленький носик и сюда, заявив, что сойдёт с ума, если калеки будут тащиться к Лунным горам пешком – она сделала будущему супругу поистине королевский подарок в виде восьми породистых лошадей и двух очень выносливых рабочих лошадок, тащивших телегу с клеткой, в которой томился выбранный Маркусом дракон Чёрный Ветер.

Компания для путешествия, конечно, получилась та ещё. Новоиспечённый лорд Колехорт даже командиром себя не чувствовал, поскольку командование отрядом искалеченных воинов немедленно взял в свои опытные руки Хьюдрик Масс. Этому доброму, но строгому старику было уже за шестьдесят, и он добровольно уступил пост командующего прибрежным гарнизоном более молодому воину, поскольку начал терять зрение и в бою уже с трудом отличал своих от чужих. Семьи у Хью не было, дома тоже – он, как и Маркус, всю свою жизнь провёл на поле брани и в палаточных лагерях. Невысокий и коренастый уроженец Северных гор, Масс оставался крепким воином даже в таком возрасте. Последний год он потратил на то, чтобы найти для себя новую цель в жизни, но так и не смог это сделать, поскольку был уже не в состоянии отчётливо видеть даже пальцы на собственной вытянутой руке. Маркусу и не нужны были глаза старика – ему нужен был острый ум Хьюдрика и его опыт.

«В Акильфадии много гор и камня, Хью. Вряд ли она похожа на места, где ты родился, но у тех, кто вырос в горах, свои повадки, о которых я знаю мало. На правах первого акильфийского лорда предлагаю тебе должность моего личного советника. Только лорд я пока ещё нищий, поэтому придётся побыть твоим должником, пока не разбогатею», – неуверенно сделал старику предложение о сотрудничестве Маркус, в ответ на что немедленно получил совершенно бесплатный совет засунуть своё нытьё о деньгах куда подальше. «Я буду тебе советником, а ты мне – поводырём», – хохотнул Хьюдрик и согласился, не выдвинув со своей стороны ни единого условия.

Лучнику Эдлеру было сорок два, когда воин кьорвигов безжалостно отрубил ему кисть правой руки. Тридцатилетнего Каро придавила павшая в бою лошадь, и теперь он сильно хромал на обе ноги и мучился болями в спине. Высокий смуглокожий красавчик Дэнзет, на которого восхищённо засматривались женщины всех возрастов, в двадцать два был пленён и увезён в рабство кьорвигами. Сбежать ему удалось только спустя три года. Парень не утратил внешней привлекательности, но слегка тронулся умом, и время от времени у него случались неконтролируемые приступы ярости. Дэнзета списали со службы по причине того, что во время одного из таких припадков он покалечил четверых сослуживцев. Его вообще не должны были возвращать в строй, но вернули, поэтому претензии были не к свихнувшемуся вояке, а к тому, кто принял решение снова дать ему в руки оружие. Микенору недавно исполнилось двадцать восемь, как и Маркусу, но молодому человеку не повезло подвернуться под мощную лапу разъярённого боевого дракона, и теперь по мезиву его лица было довольно сложно определить возраст. Мик после этого начал бояться драконьего крика до состояния полного ступора и погиб бы в последнем своём сражении, если бы его не прикрыл собой боевой товарищ. Товарищ пал, Микена разжаловали в прислугу, а потом и вовсе выгнали, потому что работу в полевой кухне он считал для себя унижительной и часто буянил, доказывая, что он воин, а не посудомойка. Олаф... Олаф брал в руки оружие только для того, чтобы его почистить. Мальчишке было

всего четырнадцать, и он работал в оружейной, когда кьорвиги каким-то немыслимым образом проникли в лагерь и подожгли всё, до чего успели дотянуться. Этот набег дикарей тоже удалось остановить, как и все предыдущие, но пострадали от огня тогда многие, в том числе и юный помощник оружейника, который выжил чудом. Теперь Олафу было шестнадцать, и он мечтал попасть в Акильфадия, поскольку слышал, что магия скалистого края способна исцелить любой недуг. Олаф не мог нормально дышать. Не мог находиться рядом с костром, потому что дым вызывал у него приступы удушья. Лекарки сказали, что у него нет шансов прожить долгую жизнь, но мальчик очень хотел жить, и Маркус позвал его только поэтому – он и сам верил, что акильфийские целители способны на многое, ведь их сила происходит от природной магии.

В этой разновозрастной компании калек каждый жаждал исцеления, пусть даже и не физического. Вряд ли колдуны помогли бы отрастить Эдлеру новую кисть, да он к этому и не стремился. Люди, которые привыкли быть нужными, просто не хотели смириться со своей беспомощностью и бесполезностью. Они пошли за Колехортом только потому, что он вновь вдохнул смысл в их ставшие вдруг никчёмными жизни. Маркус попросил о помощи, он нуждался в верных друзьях – это было самое главное. Но и исцеление, конечно, тоже не помешало бы, если оно возможно.

Таирия предлагала жениху нормальных, здоровых, хорошо обученных воинов. Её семья была достаточно богата, чтобы без ущерба для себя оплатить услуги маленькой армии наёмников. Ещё один подарок в знак благосклонности знатного семейства к будущему супругу младшей из дочерей, но Маркус отказался от этого щедрого дара. Ему нужна была искренняя верность, а не купленная. Никто из маленького отряда калек не был способен на предательство.

Почти десять дней пути до Лунных гор Колехорт только и делал, что объяснял невесте причины и мотивы своих решений. Она отказывалась его понимать. По мнению этой девушки, поход в Акильфадия был бесполезной тратой времени. Послать туда тучи драконов-проводников, которые сожрут всё, на чём есть хоть немного мяса, а потом переправить на полуостров наёмников, которые добьют выживших – вот и всё, никуда не надо ехать. Очень простой и легко выполнимый план по завоеванию пожалованных королём гиблых земель. Поскольку наёмники вверх по реке не поднимались...

Маркус бросил ещё один подозрительный взгляд на роскошный шатёр Таирии и направился к костру, возле которого грелся его небольшой отряд.

– Что-то случилось? – сразу же отреагировал на мрачный вид лорда старый командир.

– Боюсь, что да, – поморщился Колехорт и обратился к высокому симпатяге Дэнзету: – Дэн, мне нужно выпустить и осмотреть дракона.

– Понял, – кивнул молодой человек, вынул из притороченного к поясу мешочка пару восковых пробок и вставил их в уши.

Слов благодарности он всё равно не услышал бы, поэтому Маркус просто кивнул в ответ. Чёрный Ветер был очень старым и умным драконом, и ему вряд ли взбрело бы в голову шуметь без веской на то причины, но зверь провёл в тесной клетке десять дней, поэтому Колехорт не знал, чего от него можно ожидать. Драконам нужно небо. Расправить крылья, насладиться полётом – они свободолюбивые существа. В прибрежных гарнизонах большинство драконов даже на цепи не сажают, поскольку они поступают на службу в годовалом возрасте уже полностью прирученными. Это лошадь может сбежать или взбунтоваться, если чего-то испугается, а с драконами таких проблем нет. Они верны своим всадникам настолько, что беспрекословно подчиняются даже мысленным приказам. Скажешь не двигаться с места – дракон умрёт от голода, но не сделает и шага. Хорошие боевые животные, надёжные.

У Маркуса никогда не было собственного дракона – он тренировал молодняк и приручал диких особей, которых доставляли в прибрежные гарнизоны с родины Хьюдрика – с Северных гор. Взрослые и старые дикие драконы дрессировке не поддавались, поэтому молодому воину не приходилось работать с ними, но он доподлинно знал, что возраст делает этих удивительных

существ нервными и своенравными. Ветер провёл на службе людям без малого сотню лет – он уже давно выказывал недовольство необходимостью подчиняться приказам, поэтому подлежал уничтожению. «Зачем тебе этот древний уродец? Не мог помоложе выбрать? Откуда у тебя вообще эта тяга собирать вокруг себя убогих? Ты так самоутверждаешься что ли?» – высказала своё недоумение Таирия, когда узнала, что Маркус стал хозяином Чёрного Ветра.

Дело было не в самоутверждении, а в том, что Колехорт хотел спасти Ветра от неминуемой смерти. Чёрные драконы на свободе живут почти двести лет. Служба людям быстро их старит, и Маркусу хотелось, чтобы Чёрный Ветер пожил ещё немного. Он уже не первый год присматривался к этому самому старому дракону гарнизона и с горечью думал о том, что век преданности стоит свободы, но никак не бесславной гибели от руки того, кому ты служил верой и правдой. Драконов не отпускают – их убивают, чтобы враги не могли поймать дрессированное чудовище и использовать его в своих интересах. Такое уже случалось, причём неоднократно. Ветер был обречён, и Маркус намеревался это исправить, дав старому дракону волю в пределах Акильфийских владений.

Повозка с большой клеткой стояла в небольшом отдалении от палаточного лагеря, который Маркус и его спутники разбили на берегу озера у подножия Лунных гор. В последние два дня дракона нервировали голоса людей, и он начинал громко ворчать, что, в свою очередь, нервировало Дэнзета. Из такой сложной ситуации выход был только один – держать клетку подальше от отряда. Вдобавок, день клонился к закату, и приближалось время охоты, что делало зверя ещё более нервным, но Маркусу нужно было во что бы то ни стало осмотреть чудовище.

Колехорт позвал в помощники только Хьюдрика и юного Олафа, который на протяжении всего путешествия бесстрашно кормил дракона, чем ухитрился снискать всеобщее уважение и благосклонность самого Ветра. Откинув край плотной ткани, служившей защитным пологом от дождя и снега, Маркус с грустью посмотрел на измученное неволей существо и положил тёплую ладонь на влажную кожистую поверхность большого чёрного носа.

– Привет, Ветерок. Устал, да? Я отпущу тебя поохотиться, если разрешишь провести небольшой осмотр и пообещаешь не есть людей. Договорились?

– С ума сошёл? – невозмутимо уточнил Хьюдрик. – У тебя нет с ним мысленной связи, где ты потом собираешься его искать?

– Он вернётся, – робко подал голос Олаф.

– Откуда такая уверенность? – нахмурился старый командир. – К тебе что ли он вернётся?

– А ему больше некуда возвращаться, – пожал плечами мальчик. – У него нет хозяина. Последний погиб, связь утрачена. В гарнизон на юге он не полетит, потому что знает, что его там ждёт. По этим горам проходит граница территории чёрных драконов, поэтому на запад без приказа ему тоже хода нет. Остаются только север и восток, но на востоке нет гор, а до Северных ему не долететь – сил не хватит. Мы кормим его и не обижаем. Он вернётся, я уверен.

– Вернёшься? – поинтересовался Маркус у дракона, который в ответ испустил тяжёлый продолжительный вздох и косо посмотрел на дрессировщика большим жёлтым глазом.

– Я бы не стал так рисковать, – поморщился Хьюдрик. – Может, объяснишь уже, что произошло?

– Есть подозрение, что в Акилфадия отправилось гораздо больше проводников, чем мы намеревались туда послать, – поделился своими сомнениями Маркус. – Я хочу осмотреть его чешую, чтобы убедиться, что это не так. Не хотелось бы при этом лишиться руки или головы, поэтому нужно договариваться.

– Никогда не понимал, как вам вообще удаётся о чём-то договориться с этими тварями, – признался старый воин. – Ладно, поступай, как знаешь, если уверен, что мы не станем его ужином.

– Спасибо, – усмехнулся Маркус, потому что разрешение Хьюдрика на то, чтобы выпустить дракона, ему в принципе не требовалось.

Он разговаривал с Чёрным Ветром ещё некоторое время, пока не убедился, что зверь его не понимает. Даже с дрессированными старыми драконами работать непросто – они слишком сильно привязываются к своим хозяевам и неохотно идут на контакт с новыми. Все десять дней путешествия в свободное от выслушивания болтовни невесты время Маркус пытался установить с Ветром хотя бы намёк на связь – разговаривал с ним, подкармливал сверх нормы, искал подход, но получалось из рук вон плохо.

– Можно я попробую? – предложил свою помощь Олаф.

– Ну попробуй, – пожал плечами Колехорт.

Следующие несколько минут он с удивлением наблюдал за тем, как бывший помощник оружейника чуть ли не нежно воркует с чудовищем и бесстрашно суёт руки между прутьями клетки, совершенно не опасаясь за их сохранность. И если на Маркуса дракон смотрел недобро, то в его взгляде, обращённом на изуродованного пожаром мальчика, светилось полное понимание.

– Людей есть нельзя, но ты это и так знаешь, да? – тараторил Олаф, ласково поглаживая морду Чёрного Ветра. – Ты же умный и воспитанный, а воспитанные драконы не охотятся на людей и всегда возвращаются к тем, кто о них заботится. Ты ведь вернёшься ко мне, правда? Позволишь Маркусу тебя осмотреть, потом поохотишься на каких-нибудь горных львов или медведей и вернёшься, да? Тебе не нравится эта клетка, я знаю, но это временно. Если будешь хорошо себя вести, я попрошу Колехорта, чтобы он больше не заставлял тебя в ней сидеть. Ты ведь мой друг, да? А друзья всегда помогают друг другу.

Дракон высунул из пасти длинный раздвоенный язык и обвил им руку Олафа. Хьюдрик дёрнулся, чтобы оттащить мальчишку от клетки, но Маркус его остановил и жестом велел не вмешиваться. Язык оставил на рукаве походной куртки мальчика липкий слюнявый след и вернулся обратно в пасть.

– Я его выпущу, да? Можно? – вопросительно посмотрел Олаф на Колехорта и, получив утвердительный кивок в качестве разрешения, дёрнул на себя тяжёлый засов, запирающий механизм сложного замка.

Ещё несколько минут ушло на то, чтобы открыть замок. Старый командир нервничал, Маркус задумчиво смотрел на мальчика, а дракон терпеливо ждал своего освобождения. Когда задний борт клетки наконец-то оказался распахнутым, Чёрный Ветер с недовольным ворчанием выбрался на присыпанную снегом лужайку, потянулся, расправил крылья и покорно продемонстрировал людям практически полностью лишённые чешуи бока.

– Мать честная... – изумлённо округлил глаза Хьюдрик Масс и подошёл немного ближе, чтобы убедиться, что основательно испортившееся зрение его не обманывает. – Этого не может быть.

– Не может, – согласился Маркус, которого вид матово-чёрной голой кожи дракона привёл в состояние холодной ярости. – Зелье есть только у меня, и я точно рассчитал обе дозы. Олаф, Ветер твой. Можешь отпустить его, если уверен в возвращении.

– Мой? – непонимающе моргнул юноша.

– Мы позже это обсудим, а сейчас мне нужно немного потолковать с невестой и постараться при этом её не задуть.

Колехорт круто развернулся на пятках и широкими шагами направился к шатру Таирии, без тени сомнений оставив растерянно моргающего подростка наедине с драконом. У Хьюдрика ноги были короче, ему уже перевалило за шестьдесят, и старик едва поспевал за молодым лордом Акильфадии, но всё же пытался убедить Маркуса, что ссориться с Таирией Эгри ему сейчас не с руки. Бедняга так запыхался, что с трудом переводил дыхание, и Маркус сжалился над ним – остановился, позволил отдышаться, а потом сказал:

– Я не знаю, как она это сделала, но население Акильфадии как минимум в сто раз меньше того количества проводников, которые туда улетели. Сотня маленьких прожорливых чудовищ на одного человека. Ты понимаешь, что это значит? Я теперь лорд большого кладбища, Хью, и кое-кто должен объяснить, как такое могло случиться. Не бойся, я её не убью, хотя леди Таирия этого явно заслуживает.

Глава 3. Дочь вождя

Совет старейшин прошёл хуже некуда. Вея никогда не присутствовала на таких мероприятиях, потому что отец не допускал на них женщин, но в этот раз её пригласили и даже дали право голоса как единственной наследнице погибшего вождя.

– Нет смысла выбирать сейчас нового главу, потому что Эгдан всё равно прийдёт сюда своего человека сразу же, как только узнает о смерти Тангура.

– А мы не обязаны ему докладывать. У нас в наличии четырнадцать магов разного возраста. Аллелия и без их помощи одним только взглядом способна обрушить половину горы в реку, чтобы навсегда перекрыть вход в Акильфадью.

– Аллелия давно выжила из ума и ест сырое мясо, потому что даже огонь развести не может. Забудьте об этом. Реку перегораживать нельзя. Вода пойдёт сюда, и нас всех смоем в Грязное море. Нужен другой выход.

– Да какой ещё выход? Люди напуганы. Либо мы оставляем всё, как есть, и ждём прихода нового тирана, либо наконец-то попытаемся добиться свободы от власти Сеаркаты.

– О какой свободе идёт речь, если этот полуостров является частью королевства? Вы бунт что ли решили устроить? По-моему, уже и так понятно, откуда взялись чёрные драконы. Ещё несколько таких налётов, и бунтовать будет некому. Надо думать о том, как спасти оставшихся. Кто-нибудь знает, как остановить драконов?

– Их нельзя остановить. Будем прятаться, пока это не прекратится.

– Если мы будем прятаться, нас всех перебьют, как крыс.

У Вей от этого бесконечного спора голова шла кругом. Поразительно, но сражаться за свободу Акильфадии от власти Сеаркаты предлагали те, кто прибыл на полуостров по приказу короля. Эти люди уже давно должны были отправить в канцелярию Эгдана птицу-вестника с докладом о смерти Тангура и с мольбой прекратить драконьи атаки, но никто этого не сделал. Тангур разгневал короля, и тот послал сюда тучи драконов – это же было очевидно. Нужно было просто сообщить владыке о том, что Акильфадия не оказывает никакого сопротивления и готова и дальше проявлять полную покорность, но те, кто получал от Сеаркаты жалование за верную службу, спорили теперь о том, нужно устраивать открытый бунт или нет.

– Сколько у нас осталось людей? – раздражённо выкрикнула она, пытаясь перекрыть своим звонким голосом шумный спор.

Старейшины дружно смолкли и уставились на неё, как на заморскую диковинку. Они напрочь забыли о её присутствии, и теперь удивлялись, как она вообще осмелилась вмешаться в мужские дела.

– Я спросила, сколько у нас осталось людей, – упрямо повторила Вея, обводя присутствующих гневным взглядом. – Это простой вопрос. Кто-нибудь из вас в состоянии на него ответить? Колдунов вы посчитали, а остальных? Нет? Никто не удосужился? Тогда давайте, я сделаю это за вас. Четыре дня назад население Акильфадии насчитывало девятьсот сорок два человека – это пятьсот одиннадцать мужчин и четыреста тридцать одна женщина разных возрастов. У нас было четыреста двадцать воинов в возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет. Они все мужчины, поскольку хвататься за оружие – не бабское дело. Остальные пятьсот двадцать два человека – это женщины, дети и беспомощные старики. За четыре дня мы потеряли сорок воинов из замка, включая моих отца и брата. В трёх уничтоженных северных поселениях, которые у нас, как вам известно, самые крупные, проживало триста шестьдесят четыре человека, а в живых там осталось всего одиннадцать душ. Воины погибли все, а их на это число приходилось двести двадцать три. Что получается в остатке? Сто пятьдесят семь воинов и... И триста девяносто два человека, не способных держать в руках оружие. Итого пятьсот сорок девять человек. И это я ещё хутора не посчитала, из которых до сих пор нет никаких вестей.

Можно смело сбросить со счетов ещё сотню жителей. Нас осталось меньше половины от того, что было. Воинов чуть больше ста человек, а остальные – женщины и дети. Из четырнадцати колдунов, о которых вы говорите, пятеро ещё даже ходить не умеют, а колдовать не может никто, потому что чёрные драконы в таком количестве уничтожили здесь почти всю магию. Вы даже об этом не захотели подумать, потому что боитесь, что новый глава клана, которого пришлёт Эгдан, лишит вас власти и права что-то решать. В Акильфадии не будет нового вождя, потому что здесь никто не выживет – этого вы ещё не поняли? Между первыми налётами было два полных дня, и сейчас у нас пока ещё есть время собрать людей и спрятать их в горных пещерах, куда драконы не суются. Хотите бунтовать и требовать свободы? Вперёд! А я, глупая женщина, пойду спасать тех, за кого должны отвечать именно вы. Кажется, я слышала, что кто-то из вас разделяет моё мнение? Или мне всё-таки показалось?

– Я разделяю, – встал со своего места за большим столом старейшина самого дальнего северного селения, до которого драконы добраться пока ещё не успели.

– Отлично! – кивнула Вея. – Хотя у кого-то здесь жажда власти не развела разум окончательно. Идём, Грэн. У нас мало времени и много работы.

Мужчины наконец-то начали приходить в себя после её гневной речи, но, кажется, сути так и не уловили.

– Из замка уводи кого хочешь, а командовать в наших селениях тебе права никто не давал, – подал голос один из тех, кто остался сидеть за столом.

– Я даю ей это право как старейшина всего Севера, потому что трое из нас уже не могут сказать своё слово, – вмешался Грэн. – За мной четыре голоса против ваших четырёх.

– Я поддерживаю. Пять против трёх, а это большинство, – встал Элеот, который отвечал за большое поселение близ замка и несколько хуторов на прилегающих территориях.

– Женщина не может быть вождём клана, – возразил один из тех двоих, кто был против.

– А я и не пытаюсь занять место вождя, – бросила на него презрительный взгляд девушка. – Я хочу только спасти людей.

Она вышла из главного зала, потому что опасалась наговорить лишнего. И так уже перегнула палку, больно ударив по мужскому самолюбию. Когда всё успело настолько прогнись? Да, Тангура Кога в Акильфадии только боялись, его никто не уважал, но кто бы мог подумать, что люди, присягнувшие ему на верность, забудут слова клятвы, существовавшей задолго до появления в этом краю жестокого правителя? Интересы королевства и клана, защита слабых, честь, справедливость – где все эти ценности? С каких пор люди Эгдана считают, что их служба закончилась? Акильфадия принадлежит Сеаркате. Всегда принадлежала и будет принадлежать впредь, даже если королю придётся вырезать всех акильфов поголовно. Бунтари просто подставляют свои и чужие головы под карающую руку, руководствуясь поступками Тангура – если ему было можно бесчинствовать здесь на своё усмотрение, то и им никто этого не запретит. Глупцы!

– Они тебе этого не простят, – осторожно заметил Элеот, догнав девушку на широких ступенях двора, куда она вышла, чтобы немного остыть и усмирить гнев.

– А ты думаешь, что я буду просить прощения? – удивилась Вея. – У кого? У трёх дураков, которые на пороге смерти готовы горло друг другу перегрызть за право посидеть два дня в кресле вождя и покомандовать?

– Они воины, – напомнил ей мужчина. – Ты же знаешь, как всё устроено. Глава клана – воин. Старейшины – воины, которые подчиняются главе. Командиры подчиняются главе и старейшинам. Рядовые воины подчиняются главе, старейшинам и командирам, а все остальные обязаны подчиняться приказам любого из вышеперечисленных. Фактически ты сейчас обязана повиноваться Амри, как старшему воину замка, а он ничем не лучше твоего отца, и непременно напомнил бы, что мёртвые селения голоса не могут иметь в принципе. Радуйся,

что он ещё не вернулся, и собирай людей, пока есть возможность хотя бы попытаться что-то для них сделать.

– А куда подевался Грэн? – вспомнила девушка и оглянулась на большую, окованную железом дверь, ведущую в главный зал замка. – Он же за нами шёл.

Бунт начался. Старейшина последнего северного селения Грэн нашёлся быстро, но он уже ничего не мог сделать для своих людей – его убили в нескольких шагах от той двери, за которой несколько минут назад беседовали ничего не подозревающие Вея и старик Элеот. Грэн стариком не был – ему ещё и полвека не минуло. И он наверняка оказал бы достойное сопротивление нападавшему, если бы не получил подлый удар в спину.

– Я, судя по всему, буду следующим, – мрачно констатировал Элеот. – И тебе тоже вряд ли удастся выйти за эти стены живой.

Это выходило за пределы любого понимания. Грэн – старейшина. За нападение на него по акильфийским законам полагается казнь, но для кого-то, кажется, законы утратили свою силу одновременно со смертью Тангура Кога. Хотя, нет. Три дня назад подлые убийцы единодушно признали его сына новым вождём клана. Судя по всему, у них были свои планы на неопытного юного главу, но ситуация вышла из-под контроля. Вея даже думать не хотела о том, что кто-то из мятежных старейшин может быть причастен к появлению на полуострове чёрных драконов, но сложившаяся ситуация говорила сама за себя.

– Я не буду убегать и прятаться, – зло сверкнула девушка зелёными глазами.

Она подняла такой шум, что уже через пару минут в главный зал сбежались все обитатели замка и шесть лучников, прибывших на совет с Грэном. Последних воинов замка Амри увёл в рейд по северным селениям, и осталась только стража на стенах, но их командир тоже пришёл, поскольку до возвращения старшего военачальника он нёс полную ответственность за порядок на вверенной ему территории.

Одним из немногих достоинств съеденного драконами Тангура Кога была его страсть к полному порядку. За двадцать пять лет своего правления он выстроил настолько чёткую иерархию и систему преемственности должностей, что развалить её в одночасье было невозможно. А ещё он не имел намерения делать Акильфадию независимым королевством – Тангур пестовал только собственные амбиции, а что будет после его смерти, вождя мало интересовало. Кресло главы клана унаследует сын. Не сможет удержать – его проблемы. Очень многие законы, которые Ког ввёл, потеряли смысл одновременно с его кончиной, но люди продолжали им подчиняться, потому что в их головы буквально вколотили непреложность каждого правила.

Лесс погиб, и главой клана после него по старшинству должен был стать старейшина прилегающих к замку земель. Элеот. Не Амри, который был главнокомандующим. Не кто-либо ещё. Убийство Грэна с точки зрения установленных Тангуром Когом правил было бессмысленным, поскольку Грэн являлся прямым потомком предыдущих вождей, и по указу короля Эгдана Справедливого он и его наследники навсегда лишались права управлять кланом. Всё, что требовалось в этот день от Совета старейшин – это признать главенство Элеота и обсудить способы решения насущных проблем, а они...

Но ведь никто, кроме Веи, Элеота, Грэна и трёх скрывшихся в неизвестном направлении бунтарей, не знал о том, что происходило на Совете. Это закрытое собрание, после которого только оглашаются принятые решения.

– Согласно законам Акильфадии на правах нового главы клана объявляю старейшин Сагро, Тауда и Брэдерика опасными мятежниками до выяснения обстоятельств смерти Грэна Фаргадана, – вынес вердикт Элеот, успев перед этим предупредить Вею, чтобы она помалкивала и ни во что не вмешивалась. – У нас нет времени искать эту троицу. Новые старейшины для южных селений будут назначены после того, как это обретёт смысл. Сейчас нам нужно выжить, и это основная задача.

Элеоту уже давно перевалило за седьмой десяток. Магия Акильфийских земель поддерживала здоровье старика, но годы всё равно брали своё. Он устал, и управление кланом было для него тяжким бременем, поэтому правой рукой и отражением его воли была названа единственная дочь Тангура Кога. Фактически он разделил с Веей главенство над кланом, что пришлось по душе далеко не всем, но оспорить законность решения нового вождя никто не мог – закон с момента гибели Лесса всецело находился исключительно в руках старика Элеота.

Недовольны были воины – им претило подчиняться женщине, поэтому командование Элеот взял на себя, а Вея активно занялась организацией переселения жителей Акильфадии на восток полуострова. В Лунных горах было много пещер, которые когда-то очень давно служили жилищами золотым драконам, и лучшего убежища от чёрной напасти было не найти. В одной из таких пещер жила мать Вей Аллелия, и она даже не видела драконьих проводников, хотя маленькие кровожадные чудовища за последние четыре дня два раза прилетали в земли Акильфов огромными тучами. Драконы атаковали северную часть полуострова, а потом на севере же убирались обратно за хребты Лунных гор. Надеяться на то, что в следующий раз они не тронут юг, было бы глупо, но до южных пещер большинству выживших акильфов добраться было проще.

– Первый раз они напали четыре дня назад, – объясняла Вея причины своего решения людям, которым полагалось стать гонцами в южные деревни. – Вторая атака была сегодня утром, и это значит, что большой чёрный дракон у нашего врага только один. На восстановление сил ему понадобится два полных дня, и проводники летают очень быстро. У нас в запасе есть эта ночь и весь завтрашний день, чтобы спрятаться. Возможно, и следующая ночь тоже, но я бы не стала на это рассчитывать.

– Не успеем, – покачал головой один из гонцов. – Даже верхом мы доберёмся до южных селений только утром. Плюс день на то, чтобы перевезти жителей... Дальняя деревня не успеет точно, а в ближней к горам придётся бросить стариков, чтобы они не замедляли передвижение.

– Никого бросать мы не будем, – сурово сдвинула брови девушка. – И всё успеем. У нас есть лошади и повозки. Пусть первыми уходят женщины и дети, а оставшихся перевезём чуть позже.

– А хутора? – хмуро поинтересовался другой мужчина.

Этим нескольким воинам Элеот приказал внимательно выслушать молодую госпожу и сделать всё в точности так, как она скажет. Он специально выбрал тех, кто был старше тридцати пяти лет и родился в Акильфадии – многие старожилы ещё помнили уважение к женщинам, которое царило в клане до появления здесь Тангура Кога. Мужчины слушали Вею и делали замечания, но не из чувства противоречия, а для того, чтобы понять детали её плана. У большинства из них в южных селениях и на хуторах жили родственники, поэтому беспокойство за жизни близких перевешивало всё остальное.

Вея разложила на столе карту акильфийских земель и каждому из гонцов подробно объяснила маршрут его пути. Им надлежало двигаться напрямик к большим деревням, делая остановки только в тех хуторах, которые были близко к дорогам. Попутные хутора, большие селения, и только потом – одиночные хижины, разбросанные по окрестностям. Девушка не могла просчитать всё это заранее, поскольку тоже оказалась не готова к свалившейся на Акильфадии беде, но она очень хорошо знала полуостров и его жителей. Маршруты она прокладывала таким образом, чтобы к утру гонцы успели оповестить всех, кто жил к югу от замка.

– Мы бросаем север на произвол драконов? – с мрачным видом уточнил воин, который прибыл в замок из единственного уцелевшего северного селения вместе с Грэном, а теперь был вынужден подчиниться приказу нового вождя, забыть о семье и спасти южан.

– Нет, Аарек, мы не бросаем никого, – уверенно покачала головой Вея. – От вашего селения до южных пещер больше двух дней пути, поэтому я спрячу всех здесь. Ты вернёшься

домой, соберёшь людей и приведёшь их в замок. Всех. Вы точно успеете. Места хватит, провизии тоже.

– Мы можем укрыться в пещерах на северных отрогах.

– Тогда вам придётся везти туда всё необходимое для жизни, а сюда вы сможете добраться налегке, и это будет намного быстрее, – возразила девушка.

Аарек по возрасту в отцы ей годился и мог бы сказать, что выросшая в четырёх стенах девчонка не в состоянии понять тех, кто не привык к такой жизни, но он промолчал. Пещеры ничем не лучше замковых залов. Здесь хотя бы тепло. И дочь Тангура права – налегке люди доберутся сюда быстрее. В его селении чуть больше полусотни человек, половина из которых – старики и дети. Их жизни куда важнее привычек, от которых не будет проку, если все погибнут.

Холодное зимнее солнце едва успело скрыться за горизонтом, а в акильфийском замке на утёсе над бушующим Грязным морем уже не осталось почти никого. Вея предоставила людям выбор – уйти на юг и спрятаться там или остаться под защитой замковых стен и дожидаться своей участи здесь. Они предпочли уйти. Акильфы не готовились к обороне – они пытались выжить. В столицу Сеаркаты всё же улетела птица-вестник, но шанс на то, что по пути её не съедят драконы-проводники, был мизерным. Два добровольца на свой страх и риск отправились горной тропой вниз по течению реки, чтобы попытаться доставить послание для короля Эгдана Справедливого вторым доступным акильфам путём, но и эта затея казалась бессмысленной – они не успеют. Или погибнут раньше, чем донесут весть. Путь зимой к сторожевым башням у подножия Лунных гор сам по себе опасен, но это ещё и прямое нарушение запрета на возвращение в Сеаркату. Служба в Акильфадии была пожизненной, и запрет распространялся даже на воинов, прибывших сюда по указу короля. Добровольцы-посланники шли на верную смерть, и они прекрасно это понимали.

Горе от потери родных и близких, страх перед неизвестностью, новость о мятеже старейшин – всё это не добавляло акильфам оптимизма. Вее едва удалось сдержать слёзы, когда она увидела, как бережно Аарек укладывает на телегу тело старшего брата, подлю убитого ударом меча в спину. Она знала, что Грэн приходится Аареку родственником, но никогда не пыталась выяснить степень этого родства. Для неё в Акильфадии не было чужаков, девушка каждого соклановца считала родным, и поэтому за каждого ей теперь было невыносимо больно.

Она предлагала Аареку сложить погребальный костёр для Грэна после того, как семья воина прибудет в замок, но он только головой покачал – у брата есть дом, где его возвращения ждут. Грэн должен вернуться. Печальный груз задержал бы гонца в пути, поэтому Аарек умчался в своё селение первым, а телега с телом отправилась туда позже, сопровождаемая другим воином. Вея понимала, что семья Грэна в замок не придёт – они останутся в селении, чтобы попрощаться с павшим. Внуков старейшины, возможно, и отправят с другими селянами, но его жену ритуал прощания точно задержит. С ней наверняка останутся дети. И Аарек. Это ещё несколько бессмысленных смертей, которые невозможно предотвратить, потому что спрятаться от драконов в самом отдалённом северном селении просто негде.

Оставшись наедине со своими переживаниями и невесёлыми мыслями, Вея настолько глубоко погрузилась в них, что даже не услышала, как на широкую лавку рядом с ней присела провидица Иола.

– Если ты вознамерилась оплакивать каждого, то лучше сразу спрыгни с утёса, потому что на второй сотне твоё сердце всё равно разорвётся от горя, – спокойно посоветовала женщина и протянула госпоже кусок сыра. – Поешь. С утра, небось, даже глотка воды не сделала за всей этой суетой.

– Не хочу, – покачала головой девушка.

– Значит, мне больше достанется, – пожалала плечами провидица, но есть сыр не стала, а положила его на стол, вытерла руки о край своего тёплого плаща и пальцами приподняла подбородок Вей так, чтобы девушка смотрела ей прямо в глаза. – Не вздумай реветь при людях,

поняла? Им сейчас сила твоего духа нужна, а не слёзы. Ты дочь Тангура Кога, который не показывал своей слабости даже тогда, когда действительно был слаб. Помни об этом и держи себя соответствующе.

Иола любила своего вождя всем сердцем, хотя этого человека даже уважать было не за что. А Тангур всегда любил только себя. Он просто пользовался благосклонностью провидицы, которая ни в чём не могла ему отказать. Вея этого не понимала – как можно любить того, кто тебя и за человека-то не считает? Но Иоле каким-то непостижимым образом удавалось даже гордиться своими чувствами, а в Коге она умудрялась находить достоинства, разглядеть которые за его бесчисленными недостатками было просто невозможно.

– Я не хочу быть похожей на отца, – зло сообщила Вея, смахнув с подбородка цепкие пальцы женщины, которую привыкла считать не совсем нормальной.

– А ты на него и не похожа, – усмехнулась Иола. – Ты уродилась в мать, только глаза у тебя особенные.

– Ты пришла, чтобы обсуждать цвет моих глаз?

– Я пришла спросить, откуда тебе столько известно о чёрных драконах, – сообщила провидица. – Слышала, как ты рассказывала о них гонцам. Эти чудовища здесь никогда не водились, и даже пришедшие воины знают о них только понаслышке.

– Я у мамы о них спросила, – честно призналась девушка.

– Ах, вот оно что, – понимающе кивнула Иола. – Твоя мать была замужем за одним из тех, кто на этих тварях летает.

– У Аллелии был муж? – удивлённо распахнула глаза Вея.

– А ты не знала? – улыбнулась ей провидица. – Муж, который её предал, и сын, которого она больше никогда не увидит. Я думала, она расскажет тебе об этом.

– Нет, – покачала головой девушка и снова загрустила. – Она ничего не помнит. И меня забывает сразу же, как только я от неё уйду. Про то, что я её дочь, даже слышать ничего не хочет. Я знаю о ней только то, что ты мне рассказала.

Иола родилась в клане. Она была немного старше Аллелии и влюбилась в Тангура Кога задолго до того, как в Акильфадии привезли рыжеволосую красавицу-колдунью. Вождю нравились длинные каштановые волосы провидицы, загадочный взгляд её тёмно-карих глаз и нежное, податливое тело, но если любовь Иола была для него ласковым прибоем, то Аллелия ворвалась в его сердце огненным смерчем и своей непокорностью выжгла и без того чёрствую душу дотла.

Провидица никогда не считала рыжую ведьму соперницей. Ей было жаль и Аллелию, и Тангура. Первая по глупости лишила себя всего, чего могла добиться, если бы сразу уступила главе клана. Второй потратил почти девять лет своей жизни на то, чтобы получить от этой дурочки сына. К тому моменту, как Аллелия родила Лесса, по Акильфадии уже бежали, резвясь, девять его сыновей и четыре дочери от разных женщин. Одиннадцать детей! И трёх из них родила Иола.

Магия – вот в чём была причина. Сила колдуньи притягивала Кога, как магнит. Он презирал Аллелию и ненавидел себя за то, что не может от неё отказаться. Ему нужно было растоптать её, унижить, уничтожить, чтобы самому себе доказать, что никакая магия над ним не властна. Растоптал, унизил, изуродовал, свёл с ума, заполучил долгожданного сына и выставил колдунью за порог – казалось бы, всё закончилось, но нет. Ничего не закончилось.

Магия Акильфадии продолжала управлять волей Тангура до самой его смерти, и этому нельзя было воспротивиться или как-то помешать. Он подождал, пока старшие сыновья подрастут, и одного за другим начал выставлять их в парные состязания «до победы». За год до того, как на акилфов обрушилась беда в виде чёрных драконов, у вождя клана остался всего один сын – Лесс. Ребёнок выжившей из ума и одичавшей Аллелии. А у Иола не осталось никого.

На дочерей Когу было наплевать – они всего лишь женщины. Всех пятерых он выдал замуж сразу же по достижении ими зрелости. В отличие от сестёр, Вея росла возле отца, потому что ему постоянно хотелось прикоснуться к её чудесным рыжим кудряшкам. Он не любил дочь, но и прогнать от себя её не мог, как раньше не мог отказаться от матери этой девочки. Ненавидел, обижал, унижал, но держал при себе – это ли не магия? Когда Вее минула пятнадцатая весна, Тангур решил избавиться от этого наваждения и выдать единственную незамужнюю дочь замуж. Он так и не сделал этого, потому что приходил в ярость от одной только мысли о том, что к роскошным медно-рыжим волосам его дочери будет прикасаться ещё чья-то рука.

Магия Акильфадии свела Тангура Кога с ума, но никто этого не замечал. Все считали его просто жестоким самодуром. Только Иоле была известна истина, потому что вождь часто приходил к ней не ради того, чтобы утолить плотские потребности – она была единственным человеком, кому он мог излить накопившиеся в душе боль и страх. Провидица искренне любила его и принимала таким, какой он есть. Её верность не знала границ, поэтому Иоле он доверял больше, чем даже самому себе. Он сам привёл к ней пятнадцатилетнюю Вею и попросил рассказать девочке об Аллелии. Всем в Акильфадии строго-настрого запретил даже произносить это имя, но магии было нужно, чтобы дочь вождя знала о том, что у неё есть мать.

Это случилось около пяти лет назад, и незадолго до неожиданной просьбы вождя провидица потеряла первого из сыновей. Она уже тогда знала, что лишится всех троих, но это знание не приносило облегчения. Иола не была расположена к долгим и откровенным беседам, особенно это касалось Тангура Кога, его рыжей колдуньи Аллелии, их несчастной во всех отношениях дочери и магии в принципе. Тогда Вея услышала очень эмоциональную историю о том, как однажды в Акильфадии привезли непокорную ведьму, и глава клана потерял разум от похоти. Обида, гнев, отчаяние – убитая горем мать выплеснула на напуганную девочку всё наболевшее. К счастью, Тангур не захотел выяснять, о чём говорили женщины, и не заметил, что дочь начала бояться его ещё сильнее.

Позже Иола исправила эту ошибку и поговорила с Веей уже спокойно, но подробности жизни Аллелии в плену у Тангура не стали после этого выглядеть более привлекательно. Провидица о многом умолчала. Девушка ещё до этих бесед знала, что её отец жестокий тиран – она просто утвердилась во мнении, что его уже ничем не исправить. Добра от этого человека Вея никогда не видела, да и Лесс характером пошёл в отца, и уже в одиннадцатилетнем возрасте был совершенно невыносим. И одичавшая Аллелия наотрез отказывалась признать в своей зеленоглазой копии родную дочь. Это всё было очень печально, но меркло на фоне того, что открылось провидице в последнем её видении.

– Я не рассказала тебе о магии, которая виновна во всём, что происходит по эту сторону Лунных гор, – после продолжительного молчания призналась наконец-то Иола.

– Люди во всём виноваты, а не магия, – возразила Вея. – А если вернуться к истокам всех бед, то виноват король Мэрвик Безжалостный, который первым объявил охоту на колдунов. Я знаю историю клана акильфов, мне Элеот рассказывал.

– А легенду о золотых драконах ты знаешь? – мягко улыбнулась в ответ провидица.

– Их всех убили ради чешуи и рогов, которые ценились дороже золота, – поделилась своими знаниями девушка. – Тебе не кажется, что сейчас не время рассказывать друг другу легенды и сказки? Мы сами вымрем через пару дней, и...

– Если ты беспокоишься о маленьких чёрных драконах, то их больше не будет, – перебила её Иола и горестно вздохнула, что заставило Вею нахмуриться.

– Тебе было видение? Но как? Проводники всю магию в Акильфадии убили. Даже целебной нет, я пробовала. Вот, смотри, – девушка закатала рукав и предъявила собеседнице ссадину на локте, полученную накануне вечером при падении на скользких ступенях двора. – Раньше я могла заживить такое сразу же, а с этим со вчерашнего дня ничего не могу сделать. И так у всех.

– Мой дар зависит не от магии, а от воли богов, – снова вздохнула провидица. – И да, мне было видение. Этот замок в руинах, горы рушатся, всё вокруг залито кровью, а высоко в небе бьются насмерть очень большие чёрный и золотой драконы.

– Это вроде лютой зимы, которую ты предсказала, но не смогла разглядеть, в чём кроется её лютость? – зло сверкнула глазами Вея. – Или в этот раз объяснение есть?

– Есть, – кивнула Иола и прямо посмотрела девушке в глаза. – Ты дала людям надежду на спасение, но не спасётся никто. Если мать рассказала тебе о проводниках, то должна была сказать и то, что скоро сюда заявится настоящее чёрное чудовище. Большое, огнедышащее, с огромными крыльями, когтистыми лапами и острыми зубами. А золотой дракон в Акильфадии только один, девочка, и это – ты. Магии для тебя здесь больше нет, ты – обычный человек, а дракон будет самым настоящим. Ещё нужны объяснения, или этого достаточно?

Глава 4. Вечер в Предгорье

– Я решилась на эту поездку только ради того, чтобы мы с тобой до свадьбы успели привыкнуть друг к другу. Дала тебе лошадей, предлагала воинов, всю дорогу слушала пошлые шуточки твоих дружков, но ни разу не пожаловалась на неудобства и ни о чём не просила. Да, мне не нравится идея в самом начале зимы переправляться через эти проклятые горы, потому что там опасно. В реке ледяная вода, камни на тропе наверняка скользкие, а в конце пути нас с распростёртыми объятиями ждут сотня лучников и сорок колдунов. Первые утыкают и тебя, и меня стрелами с ног до головы, а вторые обрушат сверху камни и приправят всё это какой-нибудь жуткой магией. Я не хочу идти туда, но иду, чтобы ты понял, что женишься не на трусливой пустышке. Чем из перечисленного я заслужила недоверие и обвинения в предательстве? Не трогала я твоего дракона. Даже не приближалась к нему, потому что от него тухлятиной воняет. С мальчишки обгорелого спрашивай, который постоянно возле клетки вертится, а меня обвинять не смей, понял? Ещё одно такое обвинение, и я разорву помолвку!

Маркус спокойно выслушал гневную речь невесты и счёл своим долгом напомнить:

– Ты не можешь разорвать помолвку, и прекрасно об этом знаешь. Решение об этом браке принято королём, и мне придётся жениться на тебе даже в том случае, если сейчас я услышал только ложь. А ты солгала, и я в этом уверен.

– Убирайся вон из моего шатра, Маркус Колехорт! Видеть тебя больше не хочу! Помолвку я, возможно, и не могу разорвать, но вернуться домой могу точно!

– Ты останешься. На рассвете мы двинемся к переправе, а потом вверх по реке в Акиль-фадию.

– Ещё чего! Ты мне пока ещё не муж, чтобы командовать! Я уезжаю немедленно!

– Не муж, – согласился Маркус. – Но ты останешься, потому что за пределами этого шатра тебя ждёт смерть.

Таирия гневно сузила глаза и окатила жениха презрительным взглядом.

– Что, прикажешь своим уродам меня убить?

– Зачем? Ты уже сама себя убила, только, кажется, даже не подозреваешь об этом.

– Да не делала я ничего! – яростно топнула тёплым сапожком по ковру девушка.

– Нет? – недоверчиво приподнял одну бровь Маркус и скрестил руки на груди.

– Сказала же, что нет! Что ещё ты хочешь от меня услышать?

– Во-первых, я хочу, чтобы ты перестала кричать, потому что твой визг меня раздражает. Во-вторых, услышать я хочу правду, но ты её говорить не желаешь, поэтому мы поступим следующим образом: ты сейчас меня внимательно выслушаешь, а потом я отпущу тебя на все четыре стороны.

– И в чём подвох? – криво усмехнулась Таирия.

– Подвоха нет, – пожал плечами Колехорт, прошёл через шатёр к горе мягких перин, служивших его невесте постелью, и бесцеремонно улёгся на них, закинув руки за голову. – Ты уже слушаешь, да? Можно начинать? Ну так вот... В юности ваш будущий супруг, леди Таирия, очень много времени проводил в горах в компании старшего наставника, потому что тем, кто тренирует и приручает боевых чёрных драконов, нужно знать всё о повадках и образе жизни этих существ в дикой природе. Пока не научишься понимать их, они не начнут понимать тебя, и всё такое. Однажды на закате дня я нашёл себе надёжное укрытие и наблюдал оттуда за тем, как самка учила своего детёныша правильно использовать цветы подгорника для создания проводников, которые помогают охотиться.

– Я же сказала...

– Заткнись и слушай дальше, – сменил Маркус интонацию с беззаботной на предупреждающую. – Самка показала детёнышу цветущий кустик подгорника, а когда юный дракончик

разинул пасть, чтобы слопать цветы, она отвесила ему оплеуху. Потом мамаша вырвала растение вместе с корнем, сунула его себе между зубов, изогнулась дугой и закричала так, что мне этот крик потом полгода в кошмарах снился. Дракончик тоже испугался, но он сразу понял, что означал этот крик, а мне пришлось искать ответ у наставника. Оказалось, что таким образом самка показывала детёнышу, что если он съест весь куст целиком, то ему будет очень и очень больно. Всего один крошечный цветок этого растения вызывает у дракона выпадение одновременно от десяти до пятнадцати поражённых проводниками чешуек в зависимости от возраста особи. И это болезненный процесс, Тая. Тот, кто надоумил тебя накормить моего дракона подгорником, либо не знал, либо намеренно не объяснил, чем это чревато. Драконы-проводники – это вообще не драконы. Представь себе крошечного червячка, который не длиннее пшеничного зерна и не толще твоего волоса. Представила? Вот это и есть проводник. Эти червячки одним концом прикрепляются изнутри к чешуйке, а другим прорастают в драконью кожу так глубоко, что поражённая чешуя при линьке не выпадает – её можно только с мясом вырвать, как ноготь из пальца. А сок подгорника стимулирует процесс отторжения заражённой чешуи с точно такими же ощущениями. Чем больше цветков попадёт в пасть дракона, тем больше чешуи он потеряет, и тем сильнее будет боль, которую он при этом испытает. Представляешь, да, каково было Ветру? А я всё понять не мог, почему он в последние дни всё время ворчит, стонет и постепенно звереет. Я очень долго учился разводить зелье так, чтобы в получившемся растворе сока было ровно столько, сколько содержится в определённом количестве цветков, поэтому ошибиться не мог, а сейчас вдруг обнаружил, что мой дракон облысел больше, чем наполовину, хотя потерять за последние дни он должен был не больше тридцати маленьких чешуек. Исходя из этого, у меня к тебе всего три вопроса. Первый – кто надоумил тебя это сделать и дал зелье? Сама бы ты до такого точно не додумалась. Второй – где остатки этой отравы? И третий – кто поил зельем дракона и выбрасывал из клетки чешую?

Пыла у Таирии после этого монолога заметно поубавилось – видимо, всё-таки поняла, что совершила какую-то невероятную глупость. Но упрямства, увы, меньше не стало. Вместо того, чтобы ответить на вопросы жениха, леди Эгри гордо вздёрнула подбородок и заявила:

– Я тебя выслушала. Прощай, Маркус. Я еду домой.

Он вздохнул, отвернулся и устало посмотрел на покачивающийся от ветра купол шатра.

– Хорошо. Уезжай. Только учти, что у драконов очень хорошая память на запахи, и Ветерок наверняка помнит, как пахнет человек, причинивший ему столько боли. Мы выпустили бедолагу поохотиться, и в клетку я его, пожалуй, больше запираю не буду. Если ты ни в чём не виновата, значит, утром мы будем складывать погребальный костёр для останков кого-то другого. Хотелось бы, конечно, обойтись без жертв, но... Ладно, забыли. Извини, если я не прав. И не выходи на улицу, если всё-таки прав.

Маркус встал с тюфяков и направился к выходу. Ему хватило всего одного короткого взгляда на побледневшую и застывшую невесту, чтобы понять, что это именно она напоила дракона зельем. Когда Колехорт проходил мимо, Таирии всё же хватило ума схватить его за рукав и виновато признаться в содеянном – жить-то хочется.

– Не злись, – попросила девушка и нежно провела рукой по щеке Маркуса, заметив, как на виске жениха нервно поддёргивается тонкая жилка. – Я же хотела как лучше.

– Лучше? – вскинул чёрные брови Колехорт, заглянул в её красивые карие глаза своими холодными серыми и не слишком вежливо отстранил невесту подальше от себя. – Ты ведь понимаешь, зачем я сейчас лежал на твоих подушках, да?

– Чтобы позлить меня тем, что завалился на них в грязной одежде и сапогах? – кокетливо улыбнулась Таирия.

«Круглая, беспросветная дура», – подумал Маркус и вздохнул. Он не обязан был объяснять невесте последствия её глупой и жестокой выходки, но она должна была знать о его

дальнейших намерениях, поэтому Колехорт вернулся к постели девушки, взял одно из одеял и вытащил из лежавшего рядом маленького ридикюля пузырь с её духами.

– Ты проведёшь эту ночь в компании Микенора, но сначала вымоешься и сменишь одежду, – сообщил Колехорт девушке, хмуро наблюдавшей за его действиями. – Мик принесёт ведро конского навоза и будет подбрасывать его в жаровню до тех пор, пока вонь не пропитает здесь всё, включая твои вещи, волосы и кожу. Пахнуть будет очень неприятно, но если хочешь жить, потерпишь. А я проведу эту ночь в клетке Ветра, буду пахнуть тобой и постараюсь убедить его, что человека с твоим запахом разрывать на куски не надо. Если к утру ты окажешься вдовой невестой, это будет только на твоей совести, поняла?

Таирия перестала глупо улыбаться, снова побледнела и уверенно кивнула.

– Хорошо, леди Эгри. Я рад, что у моей будущей жены при полном отсутствии здравого смысла есть хотя бы инстинкт самосохранения, – холодно ухмыльнулся Маркус. – Если мне удастся дожить до утра и помириться с драконом, на рассвете мы выдвинемся в Акильфадия. Судя по состоянию шкуры Ветерка, ты позволила улететь в горы сотням тысяч проводников. Полагаю, ты ничего не знаешь об этих созданиях, поэтому немного проясню последствия. У проводников есть внутренняя природная магия, направленная исключительно на сохранение вида. Когда заражённая чешуйка дракона выпадает и начинает подсыхать, эта магия запускает процесс размножения. Проводник увеличивается в размерах и принимает облик того чешуйчатого существа, на котором он жил. Крошечный червячок превращается в маленького дракона и летит искать пищу. Он наедается до отвала, поднимается высоко в небо, на лету высыхает, а потом рассыпается на бессчётное количество личинок, которые ветер разносит по округе. Проводниками они называются потому, что драконы намеренно вызывают у себя выпадение чешуек перед охотой, а потом просто летят по следу этой маленькой заразы. Им так добычу искать и выслеживать не надо.

– Удобно, – криво и как-то нервно улыбнулась Таирия.

– Удобно, – согласился Маркус. – Но у проводников разума ещё меньше, чем у тебя. Ими движут только инстинкты, а самая любимая пища для этих тварей – человеческая плоть. Помнишь, ты спрашивала, зачем мы проделываем десятидневный путь к северному берегу озера, если переправа находится южнее, и до неё напрямик всего четыре дня?

– Ты сказал что так проводники сразу же полетят в горы, а оттуда – в Акильфадия, потому что до селений магов путь напрямую по воздуху получится в три раза короче, чем до ближайших деревень по эту сторону хребта.

– Угу. И я добавляю в состав зелья ещё кое-какие ингредиенты, которые не позволяют драконам-проводникам жить дольше нескольких часов. Они простодохнут и не разносят заразу. Сколько раз ты давала Ветру своё зелье?

– Два. Сразу же после того, как ты давал своё, – честно призналась Таирия, присела на низкий трёхногий табурет и испуганно посмотрела на Маркуса. – Если в моём зелье не было того, что добавляешь ты...

– Акильфадия усеяна обглоданными костями колдунов и обычных людей, которые там жили, а в горах не осталось ни одного живого существа, кроме спящих в это время года чешуйчатых змей и схашивий, – закончил за неё фразу Колехорт. – Весной гады проснутся, выберутся на поверхность и заразятся разлетевшимися повсюду личинками, которые получились из первой партии созданных тобой проводников. Змеям это вряд ли чем-то грозит, а травоядные схашивии будут активно питаться растущим здесь в изобилии подгорником, кричать от боли и плодить полчища кровожадных тварей размером с половину ладони. Второй раз ты дала дракону зелье вчера вечером. Способность передвигаться получившиеся в результате этого проводники обрели ближе к рассвету. Живут они два дня, в горах еды для них не осталось, мы их возвращения не видели, поэтому очень велика вероятность, что ближайшие селения по эту сторону гор уже прекратили своё существование, и прожорливые малютки летят вглубь

королевства, уничтожая всё живое на своём пути. К завтрашнему вечеру это закончится, но в землях Предгорья не останется ни одной живой крысы, не говоря уже о людях. Чёрный Ветер повторит маршрут проводников, не найдёт добычи и вернётся сюда очень голодным и злым, а от меня будет пахнуть твоими духами, и я, вполне вероятно, стану его ужином.

– Ты специально так говоришь, чтобы меня напугать, – недоверчиво сощурилась девушка.

– Нет, – возразил Маркус. – Я специально так говорю, чтобы ты понимала, за какое количество загубленных жизней король прикажет тебя повесить, когда мы вернёмся в столицу. Но перед этим, если мне удастся дожить до утра, я провезу тебя по всем уничтоженным тобой глупостью землям и заставлю собственноручно добить каждого, кого уже нельзя будет спасти. Если я правильно помню, твой план расправиться с акильфами выглядел именно так – сначала скормить всех проводникам, а потом прикончить оставшихся. Поздравляю, половину этого плана ты уже реализовала, а теперь получишь возможность своими нежными, холёными руками завершить начатое. Советую помыться и переодеться побыстрее, потому что Ветер может вернуться в любой момент.

Он бросил на притихшую невесту презрительный взгляд, вышел из тёплого шатра, вдохнул полной грудью морозный вечерний воздух и наконец-то позволил себе громко и очень неприлично выругаться. Хьюдрик, который всё это время нервно мерил шагами пространство перед входом в шатёр леди Эгри, остановился и вопросительно посмотрел на молодого лорда.

– Что? – рыкнул на полуслеплого старика Колехорт. – Не трогал я её, мы просто немного побеседовали.

– Я слепой, а не глухой, – напомнил ему Хью. – Ты сейчас сказал леди Эгри в три раза больше слов, чем я слышал от тебя за все годы нашего знакомства. Всё выяснил, что хотел?

– Да. Я женюсь на отвратительно лживой, непроходимо глупой, невероятно доверчивой, катастрофически недалёковидной и самовлюблённой истеричке. А зелье ей дал наш мудрый и справедливый король Эгдан.

Маркус брезгливо сплюнул, перекинул через плечо одеяло Таирии и зашагал обратно в сторону драконьей клетки, не забыв перед этим распорядиться, чтобы Хьюдрик отправил Микенора за конским навозом. В зловонии, которое он намеревался устроить в шатре невесты, не было никакой нужды – Маркус просто хотел хоть как-то наказать маленькую идиотку за то, что она натворила. Во-первых от леди Таирии к утру будет вонять так, что она сама себя возненавидит. Во-вторых, она не выносит вида изуродованного лица Микена, в компании которого проведёт всю ночь. И в-третьих, после всего этого у неё точно не возникнет желания повторять содеянное, хотя зелье мерзавка так и не отдала.

Не всё из того, что Маркус наговорил своей будущей супруге, было правдой. Дикие чёрные драконы не пользуются помощью проводников в охоте постоянно – они делают это только в том случае, если больны, слабы, ленивы или от старости утратили нюх, как это уже давно случилось с Чёрным Ветром. В первом месяце лета, когда первый раз зацветает подгорник, такие драконы порождают проводников, а потом просто движутся по особому магическому следу, который оставляет за собой стайка маленьких прожорливых чудовищ. След очень быстро исчезает, поэтому слабые драконы стремятся поскорее наестся от пуза и залечь в спячку до осеннего цветения горных трав.

Да, Колехорт хотел напугать Таирию, потому что прямо отвечать на вопросы она отказывалась, а ему нужно было получить от неё ответы. Чёрный Ветер её не тронет – он винит в невыносимой боли Маркуса, потому что за долгие годы службы в гарнизоне научился распознавать вкус того, что получает из рук людей. В зелье добавляется много ингредиентов, но большинство из них не имеют ни запаха, ни вкуса. Особенную горечь даёт только дикий лук, который немного уменьшает боль, испытываемую драконами при отторжении чешуек, и сокращает продолжительность неприятных ощущений. Приходит человек, даёт горькое снадобье, и

после этого немножко больно, но не настолько, чтобы нервничать – так это выглядит для прирученных драконов. А с Ветром получилось иначе. К нему приходил Маркус и давал горькое зелье. После этого приходил ещё кто-то и тоже что-то давал, но ведь больно-то после горького, а болело сильно. Вывод – тому, кто давал горькое, доверять нельзя. Вот и причина, почему дракон наотрез отказывался идти с новым хозяином на контакт.

Чёрный Ветер мог разорвать ничего не подозревающего Маркуса на куски сразу же, как только выбрался из клетки, но не сделал этого и даже подпустил к себе – значит, можно не опасаться, что преданное людям существо кому-то навредит. Таирии об этом знать необязательно – пусть трясётся за свою жизнь, она это заслужила.

Колехорт очень внимательно наблюдал за девушкой, когда разговаривал с ней, чтобы понять – она действительно непроходимая тупица или только притворяется. Выяснилось, что глупости леди Эгри не занимать. Она даже бровью не повела, когда жених упомянул о том, что за гибель людей ей предстоит отвечать перед королём. Могла хотя бы изобразить ужас, но ума не хватило, чем девчонка и выдала зачинщика произошедшего. Неприятно, конечно, что король повёл себя подобным образом, но его мотивы были понятны – владыка побаивался колдунов и не доверял Колехорту. Эгдан подарил молодому лорду только земли и титул, но не власть над опасными акильфами. Он просто использовал Маркуса в своих целях, как часто поступают правители. Успокаивало только то, что королю вряд ли было выгодно уничтожение населения Предгорья драконами-проводниками, поэтому в состав зелья Таирии наверняка входили ингредиенты, которые не позволили бы этому случиться. И первая, и вторая партия проводников наверняка издохли точно так же, как и те, которых отправлял Маркус. Дичи в горах достаточно, и Ветер вернётся сытым, но о том, что после всего этого выжил хотя бы один подданный первого лорда Акильфадии, можно было забыть. Поистине королевская подлость, иначе и не скажешь.

Колехорт действительно намеревался ночевать в клетке дракона, но не для того, чтобы этим поддержать ложь, скормленную недалёкой невесте – он знал, что юный Олаф будет сидеть там и ждать возвращения Ветра. И одеяло он прихватил не потому, что оно пахло Таирией, а для мальчика, обгоревшая кожа которого была очень чувствительной к холоду. Духи... Остановившись возле повозки, Маркус вынул пузырёк с духами из кармана и зашвырнул его подальше в кусты. Он и забрал-то их только ради того, чтобы выбросить – его все десять дней пути раздражал приторно-сладкий запах, который леди Эгри почему-то считала сногшибательным.

Олаф действительно сидел в открытой клетке – прислонился спиной к холодным стальным прутьям и понуро уткнулся носом в согнутые колени. Услышав, что подошёл Маркус, юноша завозился, чтобы встать, но сразу же утонул под невесть откуда взявшимся мягким пуховым одеялом.

– Держи, это тебе, – сообщил лорд Колехорт, забрался в клетку и уселся рядом.

– Спасибо. Не надо было, мне не холодно, – пробурчал Олаф, стянув с головы край одеяла.

– Сейчас не холодно, а ночью подморозит сильнее, – невозмутимо сообщил ему Маркус. – Признайся честно, это ведь ты выбрасывал чешую из клетки, да?

– Я думал, что дракон просто линяет, – честно признался парнишка. – Они всегда линяют зимой. Ты давал Ветру зелье, потом забирал выпавшие чешуйки и уносил их, чтобы вырастить проводников, а про остальные даже не спрашивал.

– Логично, – поморщился Маркус. – Вырастают проводники за несколько часов, летают практически бесшумно, всё это происходило ночью, когда все спали, и поэтому никто ничего не заметил. М-да... Расслабься, я тебя ни в чём не виню, но впредь мне хотелось бы знать обо всём, что происходит с этим драконом. Он твой, но отвечаю за него всё-таки я.

– Мой? – снова переспросил Олаф недоверчиво.

– Твой, – кивнул Колехорт. – Меня он признавать не хочет, но даже если бы и признал, мне довольно долго пришлось бы добиваться от него доверия и понимания, каких ты добился всего за десять дней. Я научу тебя всему, что сам знаю о драконах, но сначала мне очень хотелось бы узнать, откуда ты такой талантливый взялся. Ты знаешь своих предков?

– Знаю, конечно, только они все умерли, – пожал плечами юноша. – Мы жили в Кенерии. Это остров недалеко от южного побережья.

– Я знаю, где находится Кенерия. Расскажи о родителях, – попросил Колехорт.

Олаф всё же набросил на плечи одеяло, устроился поудобнее и печально вздохнул.

– Их убили кьорвиги. Они часто заходили на наш остров, забирали продукты, уводили скот, но никого не трогали, а в тот раз один начал лапать маму, отец вступился, ну и... Я спрятался и всё видел. Мне пять лет тогда было. Потом приплыли люди из вашего гарнизона и увезли из Кенерии всех людей, домашних животных и птицу, чтобы остров не подкармливал врагов. Я не знаю, что конкретно ты хочешь услышать. Спрашивай, мне скрывать нечего.

– Имена, откуда родом, бабушки, дедушки...

– А, понял, – кивнул юноша. – Мать звали Ильзой, а отца Шен. Они на остров жить сразу после свадьбы приехали, а до этого жили где-то на северо-востоке от столицы. Там ещё башня Юш находится.

– Кеолкот, – улыбнулся Маркус. – Это большой торговый город на восточной границе. Издалека выглядит красиво, но чем ближе подъезжаешь, тем ужаснее воняет тухлой рыбой.

– Не в самом городе, – замотал Олаф головой. – В городе они только познакомились. Там южнее есть большие фермы с полями. На одной из этих ферм вырос отец. Он из семьи Троу, они пасечники. А мама из семьи Фарнидак, они...

– Твой дед Робби Фарнидак? Бродячий циркач? – сощурился Колехорт.

– Ну да. Мама на канате танцевала и яблоками жонглировала, когда отец её первый раз увидел. А что?

– Ничего, – пожал плечами Маркус и заставил себя подавить радость, видеть которую мальчику не следовало.

Кузен. Олаф Троу – его кузен. Бабка Маркуса Эмери Дон и прабабка Олафа Руда Фарнидак были родными сёстрами, которые не знали о существовании друг друга, как это происходило со всеми Колехортами. Но Колехортам вёлся строгий учёт, имелись документы по родословной, а при наличии денег заполучить копию этих бумаг большого труда не составляло. До этого момента Маркус был уверен, что эта ветвь рода Колехорт оборвалась на Робби Фарнидаке, который в двадцатилетнем возрасте после серьёзного ранения, полученного в пьяной драке, навсегда потерял возможность иметь детей. Мать Олафа Ильза Кьюни была записана в документах как приёмная дочь Фарнидака. Подкидыш, которого спустя полгода после травмы Робби нашла в своём шатре цирковая гадалка Олидия Кьюди, вскоре скончавшаяся от лихорадки. На этом записи о ветви Фарнидак заканчивались.

Полгода... Ильза вполне могла быть родной дочерью Фарнидака, а не приёмной. Гадалка могла быть родной матерью и провидицей, которая заранее знала и о своей скорой кончине, и о том, что дочери не позволят остаться с отцом. Сговор это был или нет, но в том, что Олаф не Троу, а Колехорт, Маркус не сомневался – такого сильного дара, как у этого мальчика, ни в какой другой семье быть не могло. Чёрный Ветер принял Олафа всего за десять дней, и этот дракон был далеко не из покладистых. Даже у Маркуса на то, чтобы заслужить хотя бы минимум доверия этого чудовища, ушло бы месяца два, не меньше.

– Давно Ветер начал облизывать тебе руки? – на всякий случай уточнил Колехорт у вероятного родственника.

– С первого дня, как ты разрешил его кормить, – невозмутимо отозвался мальчик. – У него коготь между прутьями клетки неловко провернулся и застрял, а я помог вытащить. Он меня после этого облизывал. Это плохо?

Что и требовалось доказать. Мальчик, которому дракон лижет руки в первый день знакомства, просто не может не быть Колехортом.

– Нет, Олаф, это хорошо, – тепло улыбнулся Маркус, надеясь, что в опустившейся на Предгорье ночной тьме юноша не увидит эту улыбку.

Глава 5. Тень времён

Красивая, но печальная легенда о золотых акильфийских драконах пришла из тех далёких времён, когда на огромном острове Сеар и других островных землях ещё не было королевств. Здесь жили драконы – красные, чёрные, жемчужные, изумрудные, серые... Но золотых в природе никогда не существовало, их создала другая магия. Магия любви.

В те времена людей на островах было совсем мало, но их поселения постепенно разрастались. Кланов делились, расселялись по равнинам и предгорьям. Разные виды драконов постоянно сражались между собой за территории и добычу, и люди, почитавшие крылатых чудовищ как богов, делали то же самое. Мира не было ни на земле острова, ни в небе над ним.

Единственный клан, который никогда не знал войны и потерь, жил на маленьком полуострове, отделённом широкой горной цепью от земель Сеара. Это был клан зеленоглазых колдунов и провидцев, которых почитали не меньше, чем драконов, потому что считали детьми богов. Каждый из воинственных вождей считал высочайшей честью заполучить в свою большую семью человека с зелёными глазами и магией в крови. Колдуны были неприкосновенными. Они могли прийти в любой из кланов и остаться там по доброй воле, но никто не смел удерживать их силой и обижать словом или делом – суеверные островитяне боялись кар, которые разгневанные боги могут ниспослать за это на обитаемые земли.

Однажды в один из южных враждующих кланов пришла маленькая зеленоглазая девочка с чудесными золотистыми волосами. Зима в тот год выдалась суровой, и вожди даже не помышляли о набегах на соседей, потому что пытались уберечь своих людей от стужи, а малышка пришла босой и в одной тонкой рубашке, словно ледяной ветер не причинял ей никакого вреда. На подходах к селению девочке преградили путь два суровых, продрогших до костей воина. Она прикоснулась к каждому из них, каждому заглянула в глаза, и мужчины почувствовали, что холод сразу отступил. «Я принесла тепло», – только и сказала она, и воины без лишних вопросов пропустили её дальше.

Малышка шла узкой тропой между хижинами, прикасалась маленькой ладошкой к стенам, и все, кто находился за этими стенами, сразу же согревались. Обойдя все хижины, она подошла к дому вождя, который с крыльца наблюдал за происходящим и сурово хмурился.

– Я принесла тепло, Кадан, – повторила девочка, бесстрашно глядя ему в глаза.

– И что ты хочешь взамен? – недоверчиво уточнил вождь.

– Остаться.

Суровый вождь не только позволил девочке остаться, но и перед всеми людьми клана назвал её дочерью. Она не сказала своего имени, поэтому её нарекли Фадия – огненная. Пламя повиновалось малышке с покорностью прирученного зверя, и поэтому её побаивались, но все знали, что колдуны не могут использовать магию против людей, поскольку это противоречит законам природы.

В клане Кадана сражаться умели не только мужчины, но и женщины, и дети. Обучение военному ремеслу начиналось сызмальства. Сначала это были просто драки, чтобы дети учились терпеть боль и защищаться. Дальше – больше. Фадия тоже училась. Она не могла использовать людям во вред магию, но никто не запрещал колдунам брать в руки оружие.

К тому возрасту, когда юные девушки начинают привлекать мужское внимание, на зеленоглазую красавицу Фадия заглядывались все холостяки клана, но заявить о своих чувствах, желаниях или намерениях так никто и не решился. Она была как живой огонь – и в жизни, и в бою. Завораживающе прекрасная и изящная, но безжалостная и скорая на расправу. В крови девушки бушевало пламя её колдовского рода, и она не признала бы власти над собой, а мужчины привыкли повелевать.

В набеги на другие селения Фадия не ходила, хотя к семнадцати годам считалась одним из лучших воинов клана.

– Это варварство, – заявила она Кадану, когда вождь предложил ей присоединиться к походу. – Мне не нравится эта сторона вашей жизни, и навязывать свою точку зрения мы друг другу не вправе. Я буду защищать клан, но нападать ни на кого не стану.

И защищала. Она управляла кланом, когда приёмный отец уводил воинов в походы. В его отсутствие приказам Фадии подчинялись беспрекословно, поскольку знали, на что способна юная колдунья ради людей, которых считала своей семьёй.

В набеги никогда не уходило больше четверти воинов, и в селении оставалось достаточно тех, кто мог сражаться – это было непреложное правило. Но однажды Кадан не вернулся из очередной вылазки, вождём стал его старший сын Ясар, и в клане многое изменилось. Новый вождь принимал осторожные решения, но не смог удержаться от опрометчивого поступка, когда земли острова сковала зимняя стужа.

– Они сидят в своих норах и мечтают только о том, чтобы дожить до весны. На нашей стороне сейчас такое преимущество, какое нам никогда и не снилось, – убеждал Ясар старейшин клана. – Мы оставим здесь только детей, стариков и женщин на сносях, а остальных разделим на три больших отряда и выдвинемся одновременно в трёх направлениях – на север, северо-восток и вдоль южного побережья. Фадия даст нам достаточно тепла своей магии, чтобы его хватило до конца зимы, а сама останется здесь. Мы уничтожим всех, кто способен держать в руках оружие, и к весне весь этот остров будет принадлежать нам.

– Жадность застит тебе глаза, – прямо заявила ему юная колдунья. – Так ты потеряешь всё. Наши соседи умеют защищаться даже в такую стужу. Есть ещё и горные кланы, которые привыкли жить в снегах, и эта зима для них не намного суровее прочих.

Но Ясар был вождём, мужчиной, воином, и он всегда недолюбливал Фадия, потому что отец считал приёмщицу-колдунью лучшей из всех своих детей. Ей удалось выторговать у него десять крепких воинов для защиты селения на случай нападения, но этого оказалось слишком мало. Когда спустя месяц остатки разбитого отряда привезли своего раненого вождя домой, они не нашли на месте деревни ни одного уцелевшего жилища. Ни одного живого человека из тех, кого здесь оставили – только присыпанные снегом тела родных и врагов. Два других отряда из этого похода тоже не вернулись.

Едва оправившись от ранения, Ясар заявил своим воинам, что колдунья предала клан. Это ведь она сказала, что он потеряет всё, и её слова сбылись. «Это было проклятие, а не пророчество», – уверенно прорычал он и сделал месть колдунам смыслом дальнейшего существования остатков своего клана.

Ясар не видел, как отчаянно сражалась Фадия, защищая вверенных ей людей. Он не мог знать, на что она пошла ради них. Магию природы нельзя использовать против человека, но когда речь идёт о спасении хотя бы нескольких жизней, своя собственная не кажется такой уж великой ценой. Юная колдунья выжгла своей магией сердца всех нападавших, когда поняла, что они никого не оставят в живых. Она обрекла себя на скорую мучительную смерть ради того, чтобы спасти хоть кого-нибудь. Увы, к тому моменту практически все беспомощные селяне уже обрели вечный покой. Выжил только один молодой воин Акиль, но и он был серьёзно ранен, а у Фадии больше не было магии на то, чтобы хотя бы согреть его.

Но у этого воина ещё оставался шанс на спасение – тайная горная тропа в земли колдунов начиналась всего в одном дне пути от уничтоженного селения. Зимой без магии соваться в горы было рискованно, но Фадия сочла, что это лучше, чем смотреть, как юноша умирает, и умирать рядом с ним. Она соорудила носилки, погрузила Акиля на них и потащила его к горам. Лечила, как умела и могла. Согревала горячим питьём и теплом своего тела.

Их путь лежал через земли трёх кланов – того, из которого пришли разрушившие деревню враги, и два горных. Нигде Фадия не встретила препятствий. Вождь враждебного

клана узнал колдунью, и она честно рассказала ему о том, что никто из его воинов не вернётся, но умолчала о том, как именно эти люди погибли. Её ясные зелёные глаза из-за утраты магических сил потускнели, и вождь сам всё понял. Эта девушка потеряла свой колдовской дар, жить ей оставалось не больше года, а раненый воин не подавал признаков того, что доживёт хотя бы до следующего утра, поэтому вождь их отпустил. В знак верности богам и уважения к колдовскому роду он дал обречённым путникам лошадь, сани и немного еды.

Лошадь не пройдёт по горной тропе, и Фадия это понимала. Остаток пути по Предгорью им удалось проделать быстро, но дальнейшее продвижение было таким медленным, что девушка начала падать духом. Акиль слабел, да и сама она выбилась из сил. Надежду на благополучный исход этого путешествия оставляло только то, что зимой с равнины в горы никто не суётся, обитатели горных кланов не слишком тщательно охраняют границы своих владений, и их воины не создадут лишних препятствий.

Ей снова повезло – помех на чужих землях она не встретила, а там, где заканчивались известные тропы и начинались тайные, Фадия ждала провидица Лилейла с небольшим отрядом сильных людей из клана колдунов.

– Ты ведёшь за собой смерть, девочка, но так и должно было случиться, – ласково сказала женщина, которая уже тогда знала, чем всё это закончится.

Все знали. Для Фадии из последствий её возвращения секрета тоже никто не делал. Отравленный жаждой мести вождь соберёт под свои знамёна бесчисленную армию и приведёт её в горы, чтобы навсегда положить конец существованию магии – таким было пророчество, а провидица, сделавшая его, никогда не ошибалась.

Целительная магия спасла жизнь Акиля, но Фадии она помочь уже не могла – таково было наказание за использование природных сил против людей. Колдуны создали зелье, навсегда изменившее необычно-зелёный цвет их глаз на присущие обычным людям цвета, и постепенно покидали свои горные владения, чтобы на равнинах острова найти спасение от неминуемой гибели. Вместе с ними уходила и магия. Семья, когда-то подарившая Фадии жизнь, приняла и обречённую дочь, и спасённого девушкой воина, но и они ушли ещё до того, как опустевшие колдовские земли согрели первые лучи весеннего солнца. Остались только те из колдунов, кто был слишком стар, и те, кто не захотел с ними расставаться.

– Я не для того спасала твою жизнь и обрекла свой род на изгнание с родных земель, чтобы теперь ты умер здесь, – прогоняла Фадия и Акиля. – Уходи. Не нужно умирать из благодарности за спасение. Это глупо.

Тогда она ещё не понимала, что молодым воином движет не благодарность, а любовь. Акиль был влюблён в неё ещё до того, как погиб Кадан, и Ясар своей непростительной ошибкой уничтожил собственный клан. Юноша любил зеленоглазую колдунью всем сердцем, но не решался сказать об этом, а потом она спасла ему жизнь, и взамен он без тени сомнений готов был пожертвовать своей. Акиль знал, что Фадия умирает. Целители сказали, что ей не дожить до следующей зимы. Её чудесные золотистые локоны постепенно тускнели, нежная кожа становилась всё более бледной, а с приходом весны начались боли, от которых девушка часто стонала во сне.

– Мы можем потратить остаток отпущенного нам времени на споры, но я никуда не уйду и никогда не перестану тебя любить, – решился наконец-то на признание Акиль.

Свадебные венки из весенних цветов на головы обречённой пары надела та самая провидица, которая в начале зимы вышла встречать Фадия и Акиля на горную тропу. Она тоже осталась в селении, хотя знала, что погибнет. Праздника не было, а единственным подарком молодожёнам стали последнее пророчество Лилейлы и необычный клинок с двумя тонкими лезвиями по краям и инкрустированной золотом рукоятью в середине.

– Символом нашего клана всегда были зеленоглазые золотые драконы, поэтому по моей просьбе на рукояти изображены именно они. Этот клинок выкован специально для вас двоих,

и в нём нет магии, но у него есть имя – Последний Поцелуй. Любите друг друга каждое мгновение, потому что для вашей любви есть только эта весна. С приходом лета магия покинет эти земли вместе с нами, но когда-нибудь она обязательно вернётся в эти края на крыльях зеленоглазого золотого дракона и останется здесь навсегда. Я знаю, что так будет. Я это видела.

И они любили. Пусть медленно ухудшающееся состояние девушки и не позволяло сделать этот брак полноценным, но им хватало и нежности. И Акиль, и Фадия сразу поняли назначение клинка. Провидица не сказала, что спятивший от ненависти и жажды мести Ясар готовит жестокие мучения каждому из колдунов, который попадётся ему на пути, но она позаботилась о том, чтобы влюблённые избежали этой участи – два золотых дракона, два лезвия, два любящих сердца. И последний поцелуй.

Она позаботилась обо всех. Когда в один из первых дней лета Ясар привёл в земли колдунов своё войско и жестоко расправился с целителем, под пытками выдавшим тайную тропу, он не нашёл здесь ни одной живой души – только тела, которые ещё не успели остыть. Фадия и Акиль лежали в объятиях друг друга на краю утёса, и они тоже были мертвы. Ясар приказал сбросить тела в море и разбить лагерь – он намеревался остаться в этих землях, поскольку их было легко защищать. Добровольно расставшихся с жизнью влюблённых он сам спихнул ногой вниз со скалы – хотел порознь, но разнять тела не получилось, поэтому сбросил сразу обоих.

Бушующее под утёсом Грязное море приняло эту жертву и унесло её в свои глубины, чтобы спустя несколько мгновений выпустить из пенных волн двух восхитительно прекрасных драконов, чешуя которых сверкала на солнце чистым золотом, а глаза сияли зеленью луговых трав. Драконы взмыли вверх, обняли друг друга крыльями и сплели хвосты, а потом разделились, ринулись вниз и обрушили на владения исчезнувшего клана колдунов пламя, которое выжгло каждую пядь земли до самого камня.

Акиль и Фадия были первыми золотыми драконами, и их любовь неоднократно давала жизнь прекрасным крылатым существам, которые обитали в этих краях много сотен лет. Никто не знает, почему природа сжалилась над этой парой и позволила им жить, пусть и в другом облике. Все верят, что природная магия ни при чём, и дело только в любви.

Золотые драконы никогда не нападали на драконов других видов и не охотились на людей, но они ревностно охраняли принадлежавший когда-то клану колдунов полуостров за границей Лунных гор. По именам Акиля и Фадии эта маленькая часть острова Сеар получила сохранившееся по сей день название Акильфадия. Магии здесь не осталось, и земли стали совершенно непригодными для жизни человека, поэтому золотых драконов долгое время никто не беспокоил – крылатые хищники быстро поняли, что соваться за лунные горы себе дороже, а людям в этих гиблых, пустынных краях делать было нечего.

* * *

– Продолжение я знаю, – вздохнула Вея, выслушав провидицу. – Люди научились убивать драконов и постепенно из жадности истребили всех золотых, как и многие другие виды. Остались только чёрные, которые живут в северных горах Сеаркаты, и речные, обитающее на востоке острова в другом королевстве. Всё это, безусловно, очень печально, но я-то здесь при чём?

– Твои глаза, – напомнила ей Иола. – Они зелёные. После того, как колдуны покинули Акильфадия, такой цвет глаз оставался только у тех, кто ушёл на равнины раньше и не пил зелье. От союза колдуна и обычного человека зеленоглазые дети не рождаются – так заведено природой. Я с самого твоего рождения знаю, кто ты такая.

– У Элеота тоже глаза зелёные, – возразила девушка. – У Амри, у Сита, у Мельны... Это не редкость.

– У твоих глаз цвет особенный, – покачала головой провидица. – И в тех, кого ты перечислила, ни капли магии нет.

– И что? Во мне её тоже было с ячменное зёрнышко, а теперь нет и этого, – пожала плечами Вея. – В любом случае, это всё вообще сейчас никакого значения не имеет. Легенда говорит о том, что золотой дракон принесёт сюда магию, которая останется в этих краях навсегда, а ты пророчишь, что мы через пару дней все умрём. В чём смысл?

Иола посмотрела на неё долгим взглядом, а потом вынула из-под плаща тканевый свёрток длиной в две ладони и протянула его девушке.

– Разверни. Я нашла это на утёсе в день твоего появления на свет.

Вея положила свёрток на стол, развязала стягивающую его бечёвку и развернула ткань.

– Нет, – замотала девушка головой. – Я поняла, к чему ты клонишь.

– Это единственный способ спасти клан, – упрямо сдвинула брови провидица. – Не драться с чёрным драконом, а сдаться на милость его хозяина. Полюбить мужчину. Неважно, кем он будет, нужна только искренняя взаимная любовь. А потом ты выпустишь золотых драконов, чтобы навсегда положить конец власти людей над теми, в чьих жилах течёт магия.

– Эту идею тебе тоже видение подсунуло? – сухо осведомилась Вея и повернула клинок так, что отблески огня от факелов заплесали в изумрудных глазах золотых дракончиков, вплавленных в рукоять. – Легенду ты знала с детства, клинок нашла двадцать лет назад, бой драконов привиделся тебе сегодня, а я должна сиюминутно уверовать, что всё это взаимосвязано, заставить себя влюбиться, а потом покончить собой и убить возлюбленного в надежде, что это спасёт мой народ. Попахивает сумасшествием, не находишь? Конечно же, это всё нужно хранить в строжайшей тайне, чтобы хозяин дракона не догадался о наших намерениях, да? И клинок выглядит как новенький, хотя ему уже больше тысячи лет. Хм... Почему мне кажется, что так ты хочешь просто отыгаться на мне за годы, которые Тангур Ког потратил на свои странные чувства к моей матери? Давно придумала этот гениальный план мести, и просто ждала подходящего случая его реализовать, да?

Девушка подняла глаза и встретила с холодным, но совершенно спокойным взглядом провидицы. В нём не было ни обиды, ни злости, ни страха. Возможно, печаль, но эта женщина всю жизнь умело скрывала свои истинные чувства, поэтому гадать о том, что она испытывает после такого обвинения, было бессмысленно. И голос, которым Иола произнесла ответ, тоже был совершенно бесцветным.

– Когда люди из северного селения, которые придут сюда в надежде спастись, начнут умирать на твоих глазах один за другим, ты придёшь ко мне и спросишь, нет ли среди выживших хоть кого-нибудь, кто в тебя влюблён. Таких достаточно, ты просто никогда их не замечала. Ты попытаешься полюбить в ответ, но тогда уже будет слишком поздно. Если хочешь подарить своим людям жизнь, подумай хорошенько над моими словами и приходи до того, как сюда заявится чёрный дракон. Я буду там же, где была всегда.

Провидица осторожно забрала у девушки острый клинок, бережно обернула его тканью и ушла, не сказав больше ни слова. В замке к этому времени почти никого не осталось, но всё же он не был пуст – возле одной из колонн, подпиравших потолок главного зала, Вея увидела старика Элеота, который отправил людей из своей деревни на юг и зачем-то вернулся. Возможно, он хотел спросить девушку о чём-то, дать совет или просто попрощаться, но теперь не сказал ничего. Посмотрел на неё со щемящей душу тоской, отвернулся и тоже ушёл, а Вея с грустью подумала о том, что даже если Иола и права, клан всё равно обречён. Любовь – это особая магия, которая не подчиняется человеческой воле. Она сама выбирает, к кому и когда прийти.

Но с другой стороны, легенда о золотых драконах не говорила о том, что Фадия любила Акиля до того, как он признался ей в своих чувствах. Взаимная любовь пришла к ним чуть позже. Если так... Две жизни в обмен на четыре сотни – не такая уж и высокая цена.

Глава 6. Справедливость короля

Чёрный Ветер вернулся в лагерь с первыми проблесками рассвета – уставший, но сытый. Громким рычанием и недовольным сопением он прогнал людей из своей клетки, забрался внутрь, немного повозился там, устраиваясь поудобнее, и уснул.

– Чего это он? – сонно поинтересовался Олаф, кутаясь в одеяло, которое пришлось очень кстати, поскольку ночью действительно стало холоднее.

– Он очень умный, – улыбнулся Маркус. – И после охоты ленивый. Понимает, что мы не останемся здесь, а лететь ему не хочется. Закрывай клетку, пусть спит. Откроешь, когда попросит.

Ночью они долго говорили о драконах. Всего сразу не расскажешь, и юноше в обозримом будущем вряд ли предстояло приручать других крылатых хищников, поэтому Колехорт начал обучение с основ безопасности. Вводный инструктаж Маркус провёл ещё до того, как впервые подпустил Олафа к Ветру, но тогда дракон сидел в клетке, а его поведение корректировали зелья, добавляемые в пищу. Травы использовались разные, и парнишке нужно было знать их все, а он уснул раньше, чем Колехорт закончил объяснять свойства первого растения из очень длинного списка.

– Как думаешь, он летал туда? – поинтересовался Олаф, закрывая сложный замок на клетке.

– Куда? – не понял Маркус.

– В Акильфадью. Если проводники полетели к людям, то и Ветер должен был отправиться туда же.

– Слишком много времени прошло, – отрицательно покачал головой Колехорт. – След проводников в течение двух часов пропадает. Они утром улетели, а Ветра мы только вечером выпустили. Да и не полетит он туда по своей воле.

– Почему?

– Земля хранит магию своих хозяев. Золотые драконы были единственным магическим видом из всех. Остальные – просто большие хищники. Чёрные продолжают драться с речными за территории на востоке и сейчас, потому что чёткой границы нет, а бывшие владения золотых драконов для них будто невидимой стеной окружены. Хозяев давно нет, а граница и память о том, что туда соваться нельзя, остались.

– Но проводники-то летают, – возразил Олаф.

– Летают, – согласился Маркус. – Но они не драконы, и им на эти границы наплевать. Они просто выбирают тот из прямых путей к разным источникам добычи, который самый короткий. Я начал выпускать проводников, когда акильфийские селения оказались к нам ближе других.

– А зачем это вообще было нужно?

– Чтобы предупредить акильфов, что скоро у них будут гости, – прямо ответил Колехорт. – И чтобы дать понять, что в случае сопротивления я могу обрушить на Акильфадью тысячи таких тварей. Их внутренняя магия рассеивает любую природную, и колдунам это вряд ли пришлось бы по душе, но теперь это уже никакого значения не имеет.

Колехорт замёрз, проголодался и снова начал злиться, поэтому предложил Олафу продолжить беседу за скромным завтраком у костра. В лагере в этот ранний час не спали только Эдлер, поскольку была его очередь охранять сон товарищей, и слуги леди Эгри – они всегда вставали с первыми лучами рассвета, чтобы позаботиться о комфорте своей избалованной хозяйки. В котелке над костром закипала вода для каши, рядом суежилась закутанная в тёплый дорожный плащ пухленькая служанка Ана, а однорукый воин делал вид, что не замечает её, хотя при этом разве что не облизывался, бросая короткие жадные взгляды на женщину.

«Таирия ему и вторую руку оторвёт, если Эдлер вздумает лапать её служанок», – нахмурился Маркус, снова подумав о невесте, из шатра которой несло жжёным конским навозом так, что пора было начинать беспокоиться, не задохнулись ли там наречённая и её сторож. Но стоило ему подумать об этом, как из-под плотного полога вынырнул вполне бодрый Микенор и присоединился к компании у костра.

– Она там жива? – хмуро поинтересовался Маркус.

– Более чем, но, к счастью, спит, – поморщился молодой человек. – Ты серьёзно намерен жениться на этой гарпии?

– Король думает, что да, но если очень хочешь, я с радостью уступлю эту честь тебе, – предложил Колехорт боевому товарищу, изувеченное лицо которого сразу же вытянулось, а в глазах мелькнул неподдельный ужас.

– Нет уж, спасибо. Себе оставь, – отказался от щедрого предложения Микенор и предупредил: – Если ты сейчас велишь мне вернуться в её палатку, рискуешь остаться вдовцом до свадьбы. Я терпеливый, но предел есть всему.

– Не велю, – широко улыбнулся Маркус. – Я её наказать хочу, а не тебя. Вымойся и переоденься. После завтрака выдвигаемся к переправе.

Круглолицая Ана, только что закинувшая в котелок меру крупы, выпрямилась и удивлённо посмотрела на лорда своими большими оленьими глазами.

– Но леди Эгри не встанёт так рано, – сообщила женщина растерянно. – И ей тоже нужно принять ванну, а на то, чтобы нагреть воду...

– Хватит, – мягко прервал Колехорт объяснения служанки. – Я на протяжении десяти дней терпел капризы твоей хозяйки. Она не встанёт рано, ей нужна исключительно вкусная пища, подушки, горячая ванна, три сундука дорожных платьев, и мы таскаем за собой два воза всего этого барахла, делая неоправданно долгие привалы, чтобы леди Эгри не намозолила в жёстком седле свой нежный зад. Вы разбудите её сейчас. Никаких ванн, причёсок, макияжа и всего остального. Мы завтракаем и снимаемся с места, а от переправы вы все четверо отправитесь прямым трактом обратно в столицу и прихватите с собой весь этот походный будуар, который в горы я точно тащить не собираюсь.

– Четверо? – непонимающе сдвинула брови женщина. – Нас же шестеро.

– Леди Эгри и её гувернантка останутся, – пояснил Маркус.

– Но Хильда не умеет готовить, – ещё сильнее растерялась служанка.

– Значит, уедет она, а останешься ты, – отрезал молодой лорд, заметив, как при этих его словах лицо Эдлера растянулось в довольной улыбке.

В том, что Ана нравилась одномурукому воину, не было ничего предосудительного, но у Таирии на всё имелось собственное мнение, и решение Маркуса оставить пухленькую служанку могло оказаться ошибкой. Ему и так предстояло выслушать возмущение невесты относительно того, что её лишают привычного комфорта. Колехорт с радостью избавился бы и от её общества тоже, но оставлять девчонку без присмотра после того, что она натворила, точно было величайшей глупостью. Кто знает, на какие ещё подвиги сподвиг её король? Для неё, возможно, и честь выполнить тайные просьбы повелителя, но эта честь уже один раз обернулась бедой, и повторения Маркусу не хотелось. Если Таирии не понравится, что её служанка приглянулась Эдлеру, то и Ана тоже отправится домой, а леди Эгри будет варить себе кашу сама – всё, вопрос исчерпан. На путь к озеру из-за её капризов и так уже было потрачено вдвое больше необходимого времени.

Через полчаса после того, как благоухающая горелым навозом и взбешённая наглостью будущего супруга леди Таирия выскочила из своего шатра, Маркус был готов придушить её собственноручно. Ей сказали, что дракон заперт в клетке, поэтому она не опасалась нападения хищника и, распространяя повсюду аромат горелого навоза, с воплями носилась по лагерю, требуя уважения к своему благородному происхождению. За это время отряд Колехорта успел

позавтракать и убрать палатки, а сам лорд выслушал от боевых товарищей несколько советов относительно того, как поступить дальше: отправить несносную девчонку домой; связать её, приторочить к седлу и заткнуть рот кляпом; бросить в озеро, чтобы остыла, и так далее. Он и рад бы, да только опасался, что невеста по глупости совершит ещё что-нибудь непоправимое, за что отвечать придётся именно ему.

– Мы готовы выдвигаться, – сообщил Хьюдрик, когда леди Эгри наконец-то уgomонилась и приступила к завтраку у костра, потому что не хотела возвращаться в зловонный шатёр.

– Отлично, – кивнул Маркус. – Едем.

Таирия уронила ложку в кашу и устремила на него возмущённый взгляд.

– Я завтракаю!

– Перекусишь по пути хлебом и сыром, – небрежно бросил ей Колехорт. – Вставай, у меня нет времени с тобой нянчиться.

– Значит, я поеду домой.

– Перебьёшься. Мы оставляем здесь всё твоё барахло и слуг, и едем дальше налегке.

– Но ты говорил, что они тоже поедут к переправе, – попыталась выдавить из себя слезу Таирия, но это не работало.

– Я передумал, – сообщил Маркус. – А если продолжишь препираться, я ещё и дракона выпущу, чтобы повозка с клеткой нас не задерживала.

Сработало. Бывшие вояки знали о выходке глупой девчонки и тепрь злорадно посмеивались, наблюдая за тем, как Колехорт пугает свою невесту несуществующей опасностью. В ответ на его угрозу девушка гневно сузила глаза, швырнула миску с остатками каши в костёр, но продолжать спор не рискнула – встала, гордо выпрямила спину и пошла к лошади, которую уже приготовил для неё кто-то из слуг.

Пришлось потратить ещё немного времени на то, чтобы заставить девчонку отдать остатки зелья, предназначавшегося Ветру. Пять маленьких флакончиков в узкой бархатной коробочке – она хранила эту гадость в ридикюле, практически на виду. Два из пяти пузырьков были пусты, чего и следовало ожидать. Маркус вынул плотную пробку из одного пустого флакончика и осторожно приняхался, но никакого запаха не почувствовал – это означало, что дикий лук в зелье не добавлялся, и Чёрному Ветру всё же пришлось пережить два долгих приступа невыносимой боли, но он, бедолага, только стонал и обижался на людей.

Отличалось зелье и цветом – оно было не бледно-коричневым, а тёмным и мутным. Так выглядит концентрированная вытяжка из цветков подгорника, которую изготавливают алхимики для последующего использования в растворах. В состав наверняка было добавлено ещё что-то, но после пятого флакона этой жижи Чёрный Ветер точно испустил бы дух.

Земли без людей, отравленный дракон – всю дорогу до переправы Маркус пытался понять, в чём именно заключался коварный план короля. Эгдан Справедливый пожаловал Колехорту Акильфадия, вернул родовой титул, подарил дракона и навязал невесту. При этом владыка высказал только одно желание – вернуть Сеаркате власть над полуостровом. По мнению Маркуса, это должно было выглядеть так – законный лорд отбивает у мятежного вождя земли, которые тот себе присвоил, и берёт власть в свои руки, подчиняясь при этом короне. Лорд женится и обзаводится наследниками, которые тоже верны своему королю. Всё. Все довольны и счастливы. А что получается на самом деле? Таирия знала, что её выходка закончится гибелью сотен жителей в Акильфадии, и выполнила эту часть поручения короля. Она очень неохотно отдала остатки зелья – значит, должна была убить и дракона. Что дальше? Какой шаг следующий? Смерть Колехорта от руки невесты? До свадьбы или после? Акильфадия пуста, пугающий своими способностями род Колехортов оборвался, леди Таирия Эгри свободна... Но ведь король не настолько глуп, чтобы не понимать, что Маркус заметит состояние дракона после первых же попыток девушки использовать зелье. И Эгдан вряд ли стал бы подставлять под удар честь и доброе имя своей внучатой племянницы.

– Леди Эгри желает сделать привал, – с кривой усмешкой сообщил Колехорту Микенор, с самого начала этого путешествия питавший к невесте друга взаимную неприязнь.

– Леди Эгри может засунуть свои желания куда подальше, – мрачно отозвался Маркус.

Они оставили в лагере пожитки Таирии и предоставили её слугам право самим выбирать обратный путь в столицу, но продвижение от этого не ускорилося из-за тяжёлой повозки с клеткой, которую тянули по бездорожью две выносливые лошадки. Снега было немного, и мороз крепко сковал землю, поэтому животные не вязли в грязи, но им всё равно приходилось несладко, поскольку пузо Чёрного Ветра после охоты увеличилось в размерах чуть ли не вдвое, и он стал намного тяжелее. Ветер был не самым крупным из боевых драконов – всего в пару раз больше лошади. В гарнизоне содержались и куда более крупные чудовища, и Маркус радовался, что не выбрал одного из них – даже этот не слишком большой дракон имел приличный вес из-за чешуи и многочисленных рогов на голове и вдоль хребта. Тяжёлых костей в его гибком туловище было слишком много, и даже дополнительные верховые лошади, впряжённые в повозку, не давали желаемого результата.

Маркус планировал добраться до переправы к полудню, но присыпанную снегом крышу домика паромщика удалось разглядеть вдали только на закате, хотя привал на обед отряд не делал. Ещё один день был потрачен впустую. Отправляться вверх по реке на ночь глядя – чистой воды самоубийство. Лорд, шесть его воинов, невеста лорда и её служанка – маленький домик не в состоянии вместить такое количество гостей. В горах за переправой есть пещеры, которые позволили бы не разбивать лагерь, но об этом теперь приходилось только мечтать – люди устали, обожравшийся дракон был не в состоянии лететь, и ночевать, судя по всему, всем им опять предстояло под открытым небом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.